Александр Троян

Дом на песке

16+

Александр Петрович Троян
Дом на песке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45162511
SelfPub; 2019

Аннотация

В 90-е годы 20-го века на Россию обрушилось наказание свыше за 70 лет безверия, подобно библейским Содому и Гоморре. Развал страны, экономики, безработица, пьянство, наркомания, проституция, рэкет, тунеядство, а также жажда денег и власти – всё это в совокупности, как карающий меч, обрушилось на Россию и изнемогающий от страданий великий русский народ и его дух. Дорогой читатель, буду искренне признателен, если ты, прочитав роман, переосмыслишь свою жизнь и согласишься со мной, что причиной развала Советского Союза и прихода страшных 90-х годов конца 20-го века стало безверие…

Содержание

От автора 4
Часть 1. Послевоенные детство и юность Петра 6
Глава 1. Случай в карьере 6
Глава 2. Александр Иванович 12
Глава 3. Слово отца 13
Глава 4. Наденька 18
Глава 5. Первый подарок 20
Глава 6. Бокс пригодился 23
Глава 7. Первые шаги в профессии 36
Глава 8. Случай в армии 50
Глава 9. Поворот в службе 58
Глава 10. Трибунал 61
Глава 11. Демобилизация 67
Глава 12. Ленька 71
Глава 13. Новая работа и первая любовь 74
Часть 2. Семья и работа превыше всего 91
Глава 1. Свадьба 91
Глава 2. Новоселье 110
Глава 3. Бригадир 125
Глава 4. Весна 1973 года 131
Глава 5. Отъезд родителей 152
Глава 6. Жизнь идет своим чередом 158
Конец ознакомительного фрагмента. 180

Особая благодарность супруге Троян Наталье Викторовне за подготовку к изданию данной книги.

От автора

История – хороший урок для будущего!

Я посвящаю этот роман нашим отцам и дедам, которые родились в стране Советов (Советском Союзе) и с достоинством пережили страшные 90-е годы конца 20-го века.

На собственном примере могу подтвердить, как это тяжело, когда с рождения тебя воспитывают в духе текущего времени и закладывают определенную идеологию, культуру и так далее, но вдруг, в один прекрасный момент исчезает страна, в которой ты жил. Рушатся устои сформировавшегося общества, и каждый человек сталкивается с трудностями новой жизни. Развал страны, экономики, безработица, пьянство, наркомания, проституция, рэкет, тунеядство, а также жажда денег и власти – все это в совокупности, как карающий меч, обрушилось на Россию и уничтожало изнемогающий от страданий великий русский народ и его дух.

Дорогой читатель, буду искренне признателен и счастлив, если ты, прочитав роман, переосмыслишь свою жизнь и согласишься со мной, что причиной развала Советского Союза и прихода страшных 90-х годов конца 20-го века стало БЕЗВЕРИЕ…

* * *

С грохотом и скрипом открылась тюремная дверь. В камеру вошёл конвоир и хрипло прокричал:

– Соколов Пётр Николаевич! С вещами на выход!

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД…

Часть 1. Послевоенные детство и юность Петра

Глава 1. Случай в карьере

Петр родился в августе 1948 года в Кемеровской области в небольшом шахтерском поселке Низменном, рядом с городком Прокопьевском. Тяжелые послевоенные годы… В семье росло четверо детей: три мальчика и девочка. Петр был самым младшим. Отец его, Николай Никифорович, 1900 года рождения, под два метра ростом, вышел на пенсию, а мать вечно болела и ни дня в жизни не работала. Так что семья жила на отцовскую пенсию, перебиваясь, как говорится, с хлеба на воду.

Петечка рос отъявленным сорванцом, и, хотя ему часто доставалось от ремня старого отца, характер брал свое: он слыл лидером среди ребят-сверстников за смелость, честность, умение хорошо играть в футбол и, конечно, за драчливость. Нет, Петр, или, как его называли тогда, Петруша, не был забиякой: он дрался за справедливость или когда нужно было вступиться за младших. В силу безграмотности родителей учиться его никто не заставлял, а энергичному мальчишке тогда это и не нужно было. Гораздо позже, вступая во

взрослую жизнь, он не раз пожалеет, что, будучи талантливым и способным, упустил свое время. А пока что любовь к учебе выражалась в двух предметах: физкультура, так как сродни характеру, и рисование, по которому ему не было равных в классе и даже в школе.

В пятом классе он срисовал картину «Три богатыря» и подарил отцу на день рождения. Рисунок отцу так понравился, что он сделал рамку и повесил его у себя в спальне, а редким гостям показывал и восторженно говорил:

– Это мой любимчик Петруха нарисовал!

Петр с детства уяснил для себя золотую истину: научившись что-то делать лучше других и прибавив к этому талант, если он имеется, ты всегда завоюешь лидерство, а во взрослой жизни – авторитет. Так и в школе он добивался благосклонности учителей своими оформительскими способностями, несмотря на частые пропуски уроков и не слишком примерное поведение.

Поселок Низменный тянулся вдоль большого кургана и возвышался над равниной, которая вся была изуродована многочисленными карьерами, заброшенными после выработки угля. И местная детвора, и взрослые неоднократно наведывались в эти карьеры, где постоянно находили и строительные материалы, и рабочий инвентарь, брошенные шахтерами после перехода на другое место работы. Случались несчастные случаи, когда люди просто-напросто проваливались в шурфы или на них обрушивались старые деревянные

конструкции. Так получил увечья средний брат Петра – Николай, который собирал уголь и не увернулся от большой балки, сорвавшейся ему прямо на ногу. Благодаря чистой случайности его нашли через сутки уже без сознания.

Однажды Петруша с оравой мальчишек, разделившись на две команды, играли в «войну». Местность этому весьма соответствовала. Когда пришло время собираться домой, ребята не досчитались одного своего товарища, Ивлева Ивана. Они стали звать его, но он не откликался. Петруша предложил разделиться по два человека и поискать пропавшего товарища. Когда стало смеркаться, все снова собрались на прежнем месте: поиски оказались безрезультатными. А когда из поселка прибежал старший брат одного из ребят и сообщил, что Иван не вернулся домой, мысль о том, что Ивлев пошутил, пропала, и всем стало страшно.

Дома Петруша никак не мог заснуть. Ему было не по себе: «Неужели случилось что-то плохое?». В голове все перемешалось, всплыли страшные слова набежавших из деревни людей: может, Ваня где-то уснул или заблудился, лишь бы не провалился под землю в какой-нибудь шахтерский шурф.

Субботним утром Петрушу разбудил отец:

– Поднимайся, к тебе из школы пришли.

Петруша быстро собрался и выскочил на улицу. Там стояла его учительница, а вместе с ней несколько одноклассников. Анна Игнатьевна преподавала русский язык и литературу. Она была уже на пенсии, но очень любила детей, имела

хорошее здоровье, да и с учителями тогда были проблемы, поэтому все еще работала в школе. Это помогало ей жить, ведь война отобрала у нее и мужа, и единственного сына. Школа стала ее семьей.

По дороге в клуб кто-то из одноклассников рассказал Петруше, что возле карьера нашли одежду и обувь Ивлева Ивана и что якобы вызвали из города водолазов. Возле клуба собралось много людей. Клуб представлял собой длинный барак из новых бревен, над входом в который висел большой плакат с надписью: «Беззаветный, почетный шахтерский труд приближает светлое будущее советского человека – коммунизм!». Учительницу и ребят через толпу собравшихся завел в клуб поселковый парторг. В помещении столпилось много людей, стоял гул, пока на трибуну не вышел участковый – сорокалетний лейтенант милиции Кашкин Андрей Ефимович. Он трижды повышал голос, просил тишины, а затем сказал:

– Товарищи сельчане, прочесывание местности отменяется. Спасибо, что пришли. Пионер Козловский Сеня видел вчера, как Ивлев Иван полез купаться в карьер. Поэтому дождемся водолазов, а сейчас просьба всем разойтись и заняться своими делами.

Выходя из клуба, Петруша заметил, как к однокласснику Козловскому Сене подошел участковый и, поглаживая его по голове, стал что-то говорить. Петруша замешкался: он не мог понять, почему вчера, когда он предложил ребятам разбиться по парам, Козловской не сказал про то, что видел, и

молча отправился на поиски Ивлева Ивана.

После обеда Петруша направился на поиски Сени. Ему не терпелось с ним поговорить. Несколько ребят о чем-то спорили, видимо, при игре в «банки» кто-то нарушил правила. Они-то и сказали Петруше, что Козловский со своим старшим братом пошли на почту. Добравшись до конца улицы, Петя увидел, что навстречу ему направляются братья Козловские. Когда они сровнялись, Петруша обратился к Сене:

– Мне нужно с тобой поговорить.

Старший, семнадцатилетний, Козловский дерзко ответил Петру за брата:

– Нечего болтать, пусть тащит домой посылку. – При этом пихнул Петрушу в грудь. – Уйди с дороги, салага, а то задавлю.

Петр вспыхнул молниеносно. Несмотря на то что он был на три года младше наглого обидчика, удар в челюсть удался на славу: противник рухнул на землю, как стена. И тут Петр обомлел: из кармана штанов упавшего Козловского на землю вылетел раскладной ножичек, который он, Петр, подарил Ивлеву Ивану вчера перед походом на карьеры. Сильный удар посылкой по спине свалил на землю Петра. Оба Козловских обрушились на него с кулаками. Неизвестно, чем бы закончился этот бой, если бы рядом не оказался Александр Иванович, который и разнял дерущихся мальчуганов. Козловские схватили свою развалившуюся посылку и убежали. Петр почувствовал, как болит спина, набухает подбитый глаз

и кровоточит разбитая губа.

Александр Иванович жил через два дома от места драки. Взяв Петра под руку, он повел его к себе во двор, к колодцу, чтобы тот умылся и привел себя в порядок. Но тут Петра осенило. Он ринулся назад, крикнув удивленному Александру Ивановичу: «Я сейчас!». На земле весь в пыли валялся раскладной ножичек. Петр подобрал его. Вернувшись, он принялся умываться, осмотрел свою одежду, обрадовался, что ничего не порвал, просто был грязный как поросенок. Александр Иванович окликнул из дома свою жену Полину, которая принесла йод с ватой и большую тарелку обильно посыпанной сахаром малины. После медицинских процедур Александр Иванович предложил Петру угоститься и спросил:

– Ну, боец, рассказывай: что это ты с двумя сразу подрался? Дело хоть стоящее?

Александр Иванович пользовался уважением у односельчан: был единственным непьющим и некурящим мужчиной. Да и все мужское население поселка его побаивалось, так как он работал тренером по боксу в городском спортклубе «Сибирь». Наверное, поэтому Петруша с ним и поделился своими мыслями.

Глава 2. Александр Иванович

Когда закончилась война, Бойко Александру Ивановичу исполнилось двадцать пять лет. Молодой старший лейтенант командовал взводом десантно-штурмового батальона и дошел до Берлина. Сразу после Победы он был откомандирован в учебную часть Сибирского военного округа инструктором по физической подготовке, где готовили будущих сержантов для десантных подразделений. За десять лет безупречной работы он дослужился до майора. Но однажды во время показательных выступлений в честь годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в подразделении майора Бойко Александра Ивановича произошло ЧП. В присутствии военных начальников из Москвы один из подопечных Александра Ивановича ранил своего сослуживца. Это происшествие и стало причиной завершения военной карьеры перспективного офицера. Дело даже дошло до военного трибунала, и после года разбирательств было принято решение понизить его в звании и должности. В итоге Александр Иванович по собственному желанию уволился из армии и, став гражданским человеком, устроился тренером по боксу в городской Дворец спорта. Жена Полина родила ему двух дочерей и вообще была надежным тылом, заботливой и нежной подругой.

Глава 3. Слово отца

Петруша шел домой под большим впечатлением от встречи с Александром Ивановичем. Еще его очень заинтересовало предложение заняться боксом. Начинало смеркаться… Приблизившись к дому, Петруша увидел во дворе сидевшего на лавке отца. Рядом курил папиросу и что-то рассказывал отец братьев Козловских Семен Макарович. Когда Петруша открыл калитку, отец тут же его позвал:

– А ну-ка, ступай сюда, мы тебя уже целый час дожидаемся.

Петр подошел, чувствуя что-то неладное. Отец хмуро посмотрел ему в глаза и спросил:

– Это что? – На земле лежала разломанная посылка. – Рассказывай, зачем напал на Сеню и где деньги?

Петрушу особенно удивил последний вопрос, но он сдержал эмоции и подробно изложил обстоятельства встречи и драки с братьями Козловскими.

– Вот видишь, Николай Никифорович, – начал Семен Макарович. – Мне брат в посылке пятьдесят рублей переслал. Ладно вещи попортились, а чем мне теперь долг отдавать?

Не успел Петр открыть рот, как получил сильный подзатыльник от отца. Дальше все происходило по уже до боли знакомому сценарию. Николай Никифорович зажал голову сына между ног, вытащил из брюк узкий ремень и начал раз-

машисто хлестать Петра по заднице, приговаривая при этом:

– Я тебе подерусь, ты у меня получишь! В тюрьму захотел? Принялся чужие деньги отбирать?

Петруша, стиснув зубы, корчился от боли, в глазах непроизвольно появились слезы, наверное, больше из-за незаслуженного наказания. Закончив «воспитательный процесс», Николай Никифорович обратился к Семену Макаровичу:

– Не надо заявлять участковому. Этот пацан завтра вернет деньги и извинится перед твоими сыновьями.

– Между собой они сами разберутся, а вот гроши пусть завтра вернет. Я этого просто так не оставлю, – попрощавшись, тот направился к воротам.

Петр лежал на животе в своей постели. Сон не шел. Он не знал, что делать, и, когда из соседней комнаты послышался храп отца, выбрался из дома и побежал к старшему брату Григорию, который жил в низине поселка у самого карьера с молодой женой и ее родителями.

– Петруха, ты чего так поздно? – оторвавшись от ремонта мотоцикла, спросил старший брат, увидев вбежавшего в сарай Петрушу.

Григорию было тридцать лет. Он три года служил в морфлоте, вернулся в поселок, устроился на шахту, женился на дочке местного агронома, имел двух детей: сына и дочь. Казалось бы, жизнь складывалась как положено. Будучи здоровым парнем и обладая большой природной силой, он часто по приглашению односельчан помогал забивать скот, как-то

лихо у него это получалось. Так незаметно и пристрастился к спиртному, и теперь уже был немыслим ужин с тестем без стаканчика самогонки.

Григорий выслушал Петрушу, похлопал брата по плечу и сказал, дыша легким перегаром:

– Иди, Петька, домой, а завтра я к вам после работы зайду, поговорим с батей. Не переживай, разберемся с этими козлами Козловскими.

На следующий день после уроков Петруша с большой неохотой шагал домой, настраиваясь на очередной «воспитательный процесс». Возле ворот стоял мотоцикл брата Григория, во дворе никого не было. Зайдя в дом, Петр услышал из кухни басистый голос брата:

– Семен Макарович, ты вот обвиняешь Петьку в грабеже, а в своих сыновьях на сто процентов уверен? Твоего старшего, Вовку, сколько раз в чужих огородах дрынами перетягивали? А как он велосипед у пчеловода Кирилловича утянул? Тут надо разбираться. Я Петьку в обиду не дам, он мой родной брат.

Семен Макарович, видимо, обращаясь к Николаю Никифоровичу, после речи Григория ответил:

– Вы мне мозги своей самогонкой не зальете. Брат моей Авдотьи, наш участковый, требует заявления. Уж он-то разберется, кто прав, а кому в спецшколу.

И тут послышались сильный удар по столу и звон разбивающейся посуды.

– Хватит, Семен, запугивать милицией! Вот Гришка принес пятьдесят рублей. Забирай деньги и мотай из моего дома. И дорогу сюда забудь. Ты у меня в молодости в прихвостнях бегал и получал немало. Считай, поквитался. А время рассудит, за все в жизни ответ надо держать. Так что подымайся, Семен, и вон отсюда!

Григорий обратился к отцу:

– Бать, пусть Семен Макарович напишет бумагу, что деньги взял и претензий не имеет. Фамилия-то у них какая?

Дождавшись за сараем, когда гость уйдет, Петруша зашел в дом.

– Ну, сорванец, пошли на улицу покурим да побалакаем о дальнейшей жизни, – сказал Николай Никифорович, увидев сына.

Усевшись на скамейку, Григорий с отцом закурили «Беломорканал». Николай Никифорович глубоко затянулся и начал говорить:

– Вы мои сыны, в вас течет моя кровь. Хоть я и безграмотный, но жизнь многому научила. Запомните: на всем белом свете вы да Колька с Верой самые родные, и, когда нас с бабкой не станет, не вздумайте отвернуться друг от друга ни в радости, ни в горе. Из могилы вылезу и выпорю до крови. Ты вот, Гришка, с выпивкой стал перебарщивать. Так многие начинали и спивались, не ты первый и не ты последний. А ты, Петька, дерись меньше. Дураков много всяких, могут и ножару сунуть, а калекой останешься – кому нужен будешь?

Драться можно, даже нужно, в трех случаях в жизни: за Родину, за самых близких тебе людей и за собственную жизнь. Если хотите, чтобы люди вас уважали и относились, как к настоящим мужикам, запомните: самое главное для мужчины в жизни – это дело, ответственность и трудолюбие. Башка на плечах не для красоты болтается, а чтобы думать, прежде чем что-то сделать. Язык – это враг, особенно пьяный, тогда мужик сразу превращается в бабу. А самое страшное в жизни – это ложь, пусть даже красивая. Брехливый человек хуже собаки. Запомните еще: если вас кто-то предаст, хотя бы один раз, он это сделает и второй, и третий. Не допускайте. Самое святое для мужика – это его дух. Не позволяйте женщине сесть вам на шею: мужик под бабой, как трава под копытом. Будьте хитрее, не вздумайте учинять разборки с братьями Козловскими, а, наоборот, постарайтесь пусть не сдружиться, но наладить отношения, войти в доверие и подчинить их себе. Это еще унизительнее, чем морду набить и нажить себе лишних врагов. А вообще жизнь каждого посвоему учит, самое главное – оставаться мужчиной до гробовой доски.

Отец замолчал, достал новую папиросину, прикурил и ушел в себя. Все трое задумались. Петр испытывал огромную радость, оттого что батя говорил с ним наравне с Григорием, как со взрослым человеком, а слово «мужчина» приобрело в сознании Петра абсолютно новое значение.

Глава 4. Наденька

По соседству проживала семья Климчуков, главой которой являлся Иван Кириллович. Его супруга Анастасия Николаевна нарожала ему трех сыновей и двух дочерей. Чтобы прокормить семейство, им приходилось держать большое хозяйство: двух коров, бычка, поросят и кур. Двенадцатилетняя Наденька была самой старшей. Ей приходилось много помогать маме и по хозяйству, и по уходу за младшими братьями и сестрой. Порой не оставалось времени даже на уроки, и часто приходилось заниматься учебой среди ночи, когда все уже спали. А если удавалось выбежать на улицу поиграть с подружками, обязательно набегала орава пацанов и начинала выделываться друг перед другом, галдеть, дергать девчат за косички, поднимать пыль. Козловский Сеня на своем новом велосипеде постоянно предлагал Наденьке покататься, она отказывалась, но, если появлялся Петруша, он обязательно спрашивал:

– Как дела, соседка? Никто не обижает?

Несмотря на хулиганскую репутацию Петруши, Наденька испытывала гордость, что у нее есть защита. Они медленно шли домой, и Петька рассказывал молчаливой девочке о своих мальчишеских подвигах. Анастасия Николаевна строго-настрого запрещала дочери общаться с соседом-драчуном и часто повторяла:

– Вот будешь с ним идти, он драку затеет – и тебе достанется. Рано еще о дружбе думать. Вот вырастешь, выучишься, тогда хоть с козлом дружи.

Наденька нравилась Петруше. Он даже пытался рисовать ее портрет. Конечно, это были детские чувства: полная неопределенность, загадочность и непонимание, что жизнь все расставит на свои места, так, как угодно ей.

Глава 5. Первый подарок

После окончания восьмого класса Петр поступил в ремесленное училище. Это была хорошая возможность: за два года до армии получить специальность водителя, да и каждодневные поездки в город внесли большое разнообразие в жизнь шестнадцатилетнего юноши, которому ужасно надоел уклад деревенской жизни, полной однообразия и тоски. Через месяц после поступления в училище Петр получил первую стипендию. Они с друзьями собрались пойти в кинотеатр, огромный Дворец искусств имени Островского в центре города, на фильм «Петр I». Перед началом сеанса ребята сидели в буфете и уминали пирожные, запивая лимонадом. Вдруг Петр услышал, как его кто-то позвал. Он обернулся и сразу не узнал нарядно одетого Бойко Александра Ивановича, рядом с которым стояли его элегантная жена Полина и две дочери. Петр, обрадовавшись неожиданной встрече, быстро встал из-за стола и подошел к старым знакомым.

Вскоре после того случая, когда Александр Иванович разнял драку между Петрушей и братьями Козловскими, семья Бойко переехала жить в город.

– Ну, здравствуй, боец! Возмужал за два года! Рассказывай, как здесь оказался? – спросил Александр Иванович, по-мужски пожимая руку Петру. После пятиминутной беседы Александр Иванович достал из внутреннего кармана пиджа-

ка записную книжку и карандаш, вырвал листочек, написал адрес и номер телефона.

– На вот, Петр, возьми. Я указал, как меня найти. Забегай в гости, буду рад. А если надумаешь заняться боксом, возьму к себе в секцию. Ну, бывай. До встречи. Пора идти в зал, через две минуты начало.

Весь фильм Петр просмотрел на одном дыхании. Он впервые в жизни в окружении многих людей насыщался искусством, которое в то далекое время было одним из самых главных. Выйдя из кинотеатра, Петр попрощался с новыми городскими друзьями и вместе со своим односельчанином, а теперь уже и одногруппником Смирновым Сергеем направился в универмаг. За месяц учебы в училище ребят часто привлекали на различные работы, за что они получали от своего мастера-преподавателя первые честно заработанные деньги.

Петр бережно их откладывал, и вот теперь он, как настоящий мужчина, покупал подарок своей маме – ситцевый платок, испытывая при этом чувства гордости и собственного достоинства. На автостанции Петр обратился к какому-то пожилому мужчине с просьбой купить пять пачек папирос «Беломорканал» для своего отца, получил отказ, но после десяти минут упрашиваний и объяснений добился своего. Добравшись домой, Петр застал родителей за ужином. Увидев сына, Николай Никифорович воскликнул:

– О, вот и наш студент явился! Давай мой руки – и за стол,

а то мы с матерью тебя не дождались, она даже волноваться начала.

Петр немного засмущался, но, собравшись, заговорил:

– Мама, я вам тут подарок купил за свои заработанные деньги.

Петр достал из-за пазухи аккуратно завернутый в бумагу ситцевый платок, развернул и накинул на голову маме, поцеловав в щеку.

– Мама, носите на здоровье! А тебе, батя, тоже. Вот, держи.

Из разных карманов он достал пять пачек папирос. Когда после ужина все улеглись спать, Петр слышал, как родители долго шептались, а отец несколько раз выходил на улицу, наверное покурить.

Глава 6. Бокс пригодился

На следующий день по дороге в город Петр окончательно решил связаться с Александром Ивановичем и записаться в секцию бокса. Он отлично понимал: два года учебы в ремесленном училище пролетят незаметно, нужно будет идти в армию, а, по рассказам уже отслуживших знакомых, легче пройти эту школу мужества тому, кто физически лучше подготовлен. А если спортсмен, то будет возможность попасть в спортроту. Если же служба понравится, можно будет и в военное училище поступить.

После занятий Петр созвонился с Александром Ивановичем и направился по указанному адресу. Подойдя ко Дворцу порта «Сибирь», на минуту остановился: огромное здание впечатляло своим величием и архитектурой. Поднявшись по фасадным ступенькам, Петр подошел к входной двери. Она казалась такой большой, что он засомневался, хватит ли у него сил ее открыть. Найдя табличку с надписью «Приемная директора. Тов. Бойко Александр Иванович», Петр постучался и заглянул внутрь. Молодая девушка оторвалась от печатной машинки, спросила:

– Что вы хотели?

– Мне нужен…

В это время дверь директорского кабинета открылась, и появился Александр Иванович с каким-то бумагами в руках.

– Здравствуй, Петр! Молодец, что пришел. Заходи в кабинет. Я сейчас Катеньке кое-какие поручения дам, и мы с тобой поговорим.

После пятнадцатиминутной беседы Александр Иванович и Петр направились в тренировочный боксерский зал. Там как раз шла тренировка и было довольно шумно. Пока Александр Иванович разговаривал с одним из тренеров, Петр принялся рассматривать помещение, все забитое спортивным инвентарем. В зале были оборудованы два ринга, на которых ребята колошматили друг друга. Остальные боксеры кто бил по груше, кто прыгал через скакалку, кто, приняв боксерскую стойку, отрабатывал перемещение, делая шаги в разном направлении. Александр Иванович подозвал Петра к себе и представил:

– Знакомьтесь, это Петр. А это Павел Юрьевич. Он сейчас проверит, из какого теста ты сделан.

Павел Юрьевич крепко пожал руку Петру и окликнул с ринга семнадцатилетнего парня. Тот немедленно подбежал к тренеру.

– Костя, подбери новенькому спортивную одежду. Освободите ринг, побоксируешь с молодым человеком. Только не слишком, мне нужно на него посмотреть.

Петр тогда еще не знал, что Костя был чемпионом города среди юниоров. Когда они вернулись с ним в зал из раздевалки, никто уже не тренировался, все ребята и тренеры собрались возле ринга. Павел Юрьевич помог Петру надеть

боксерские перчатки и сказал:

– Запомни: ниже пояса не бить, локтями и ногами тоже нельзя. Иди и дерись.

Когда Петр забрался на ринг, многие ребята улыбались и что-то выкрикивали, а когда на ринге появился Костя, гул усилился. Но Петр никого не слышал, он был полностью сконцентрирован на противнике. Большой опыт уличного драчуна помог ему собраться, но больше всего не хотелось опозориться перед Александром Ивановичем. Павел Юрьевич объявил, обращаясь к Петру:

– Внимание, по удару гонга вперед!

Как только был дан старт, Петр резко ринулся в сторону противника, при этом молниеносно выбрасывая руки вперед, чтобы нанести точный удар. И, хотя цель не была достигнута, Костя отступил к канатам. Тогда Петр уперся вытянутой левой рукой в противника, а правой по-деревенски, наотмашь, изо всех сил ударил Костю в голову. Удар получился настолько точным и сильным, что противника отбросило от каната и он рухнул на пол в нокаут. Все присутствующие ахнули. А Павел Юрьевич вбежал на ринг вместе со штатным медиком, который принялся протирать появившуюся из носа Кости кровь и давать нюхать нашатырный спирт, чтобы тот пришел в себя. Павел Юрьевич подошел к Александру Ивановичу и сказал:

– Мне, оказывается, надо было не Костю, а вашего Петра предупреждать, чтобы не слишком.

Так Петр был зачислен в секцию бокса. Ему выдали два комплекта спортивной формы, указали дни и время тренировок. Теперь, идя по городу, он все время был в приподнятом настроении. В советское время патриотизм был на очень высоком уровне, особенно он проявлялся в праздники. Вот и сейчас, накануне очередной годовщины революции, все, от мала до велика, вышли на улицу. Кто-то занимался уборкой, кто-то – оформлением города. В парке культуры и отдыха имени товарища Сталина репетировали множество коллективов художественной самодеятельности. Повсюду играли духовые оркестры, звучали песни. Самое большое впечатление на Петра произвел коллектив акробатов. На центральной площади они выстроили огромную пирамиду, на самом верху которой парень и девушка символизировали рабочего и крестьянку.

На следующий день, когда Петр пришел на тренировку, Павел Юрьевич собрал ребят и объявил:

– Смотрите, 7 Ноября всем строго-настрого в семь часов утра нужно быть здесь. Пойдем на парад. Кто не из города, предупредите родителей и шестого оставайтесь ночевать во Дворце спорта. По вашим учебным заведениям я прозвоню и предупрежу, что на параде вы будете в нашей колонне. Это постановление горкома комсомола. А сейчас все во двор, будем готовиться к параду.

И вот он настал, великий праздник – 7 Ноября, День революции. Будучи из деревни, Петр помнил, как в праздни-

ки проходили собрания в школе, директор выступал с торжественной речью, отличникам вручались подарки и грамоты. А здесь, в городе, происходило что-то невообразимое: возвышенные эмоции вырывались наружу, он, простой деревенский парень, маршировал в праздничной колонне, принимал участие в параде! И вдруг громкий голос объявил на всю площадь:

– К трибуне приближаются воспитанники и преподаватели городского Дворца спорта «Сибирь». Поприветствуем, товарищи, будущих чемпионов, которые приумножат великую славу советского спорта! Ура! Ура! Уррра!

Громогласное приветствие, казалось, возвышалось до самых небес. А когда проходили мимо высокой трибуны, Петр увидел, как множество больших начальников машут красными флажками, сурово улыбаясь при этом.

…Так незаметно и пролетели для Петра два года учебы в ремесленном училище. Он успешно сдал выпускные экзамены, получив направление на работу на городскую автобазу водителем. После торжественного вручения диплома Петр приехал домой. Отец, Николай Никифорович, увидел, как сын входит во двор нарядно одетый:

– Ну, Петруха, показывай, что выездил за два года?

Петр подошел к отцу и протянул ему диплом и водительское удостоверение.

Николай Никифорович громко позвал:

– Бабка, а ну иди сюда с Верой.

Первой прибежала сестра Петра. Отец, обращаясь к ней, сказал:

– Я безграмотный. На вот, прочти, что мне Петруха дал.

Затем все направились в дом и уселись за стол на кухне. После того как Вера поставила на стол еду и бутыль самогона, Николай Никифорович налил полстакана себе и столько же сыну, поднялся и начал говорить:

– Поздравляю тебя, Петр, с получением хорошей специальности. Теперь ты стал настоящим мужчиной, сможешь работать и обеспечивать себя, а в дальнейшем и свою семью. Нам с бабкой не страшно умирать будет, что кто-то из детей останется без куска хлеба. Я тебя, Петр, пить не заставляю, знаю, что спортсмен. Сам решай. Просто теперь я могу с тобой разговаривать и сидеть за столом, как мужик с мужиком. Я горжусь, что все мои дети выучились, получили специальность, а не оболтусы, как братья Козловские: сидят на шее у родителей, пьют да гуляют. Ну, Петр, за тебя!

Петр взял свой стакан, чокнулся с отцом, но пить не стал, а поставил обратно на место. После застолья Петр отправился к брату Григорию. По дороге встретил своего друга Смирного Сергея с подружкой Зиной. Договорились вечером пойти на танцы.

Во дворе брата возле сарая Петр увидел плачущую Ольгу, жену Григория.

– Что случилось, Ольга, почему ты плачешь?

Женщина, вытирая слезы, ответила:

– Гришка с работы пьянющий пришел, всю зарплату пропил или потерял, не знаю. Уже стыдно у людей да у родителей деньги занимать. Меня ни за что обматерил, чуть не ударил. Отец еле с ним справился. А сегодня у дочки день рождения. Мороженое не за что купить. Ему что: он сейчас до утра продрыхнет, а завтра похмеляться пойдет, новая пьянка. И так каждые выходные! Надоело мне все это. Не жизнь, а каторга!

Петр достал из кармана пятьдесят рублей и, отдавая Ольге, сказал:

– Вот, возьми. Я хотел ему отдать, за то что когда-то побратски меня выручил. Вы же семья, у вас дети, вам деньги нужнее. Но, вижу, ему отдавать не стоит. Да, Григорию про деньги можешь ничего не говорить. Скажи, так заходил, хотел свидеться.

Вечером Петр погладил свою единственную парадную белую рубашку и брюки, начистил до блеска туфли и, предупредив отца, отправился на поселковые танцы, которые проходили на площадке за клубом под деревянным навесом. Местный радиомеханик Илья по прозвищу Лампочка умудрился подсоединить патефон к микрофону громкоговорителя, поэтому пластинки звучали на всю округу. Когда заиграл вальс, к Петру подошла Валентина, дочка местного участкового. Высокая беловолосая девушка в светлом сарафане выглядела очень эффектно. Она была одногодкой Петра и только что закончила десятый класс. Училась и жила в городе

у родственников, а на выходные приезжала к родителям. – Петр, разрешите вас пригласить на танец?

Они закружились, и, хотя Петр не очень любил вальсировать, с такой симпатичной партнершей он получал удовольствие. После танца кавалер проводил девушку к ее подружкам и собрался уходить, но Валентина, извиняясь, спросила:

– Вы не могли бы меня сегодня проводить домой? Ни разу не была под защитой боксера.

Петр согласился и отошел.

Сергея Смирнова нигде не было видно, и тут к Петру подбежала Зина:

– Петя, Сережку Козловские отозвали. Они возле центрального входа, и их там много.

Прибежав на место, Петр увидел, как Сергей отдает Вовке Козловскому свои папиросы и деньги. А Сеня в окружении неместных ребят, из соседнего поселка Восточного, о чем-то громко разговаривают. Увидев Петра, старший Козловский развел руками и, обращаясь к толпе своих приятелей, присвистнул:

– Вы посмотрите, кто к нам пришел друга выручать! Петруша! Смелый-то какой! Зря ты сюда приперся, выхватишь на полную катушку.

Незнакомцы окружили Петра. И вдруг кто-то крикнул:

– Пеца, ты, что ли?

Из толпы в круг вышел высокий парень. Петр сразу узнал Славу Еремина, они почти целый год вместе тренировались

у Павла Юрьевича. Еремин был сыном профессора. Вопреки запретам отца с четырнадцати лет занялся боксом, забросил учебу, затем попал в армию, отслужил два года и вернулся в секцию бокса. Александр Иванович помог с работой: Слава устроился помощником завхоза при Дворце спорта. Еще до службы Славы в армии в семью Ереминых пришла беда. Отца отправили в командировку, куда-то в западную страну, и профессор-физик не вернулся: остался там жить и работать. У семьи сразу же забрали благоустроенную государственную квартиру, мама лишилась работы в горкоме партии, да и для Вячеслава все дороги оказались теперь закрыты. Вот и пришлось матери с сыном переехать к родственникам в поселок Восточный.

– Мужики, – обратился Вячеслав к своим теперь уже односельчанам. – Да это же Пеца, друг мой, Петька! Мы целый год вместе боксом занимались. Он уже первый взрослый разряд выполнил. Пусть они с Вовкой Козловским в своей деревне сами разбираются, а мы лучше пойдем на девчат посмотрим.

И, обращаясь к старшему Козловскому, добавил:

– А должок за тобой остается, иначе я тебе самолично рыло начищу. Пеца уж точно за тебя не заступится.

Гости отправились на танцплощадку. Старший Козловский моментально превратился в трусливое, жалкое существо, закрыл лицо руками из-за боязни получить по морде и затараторил:

– Петя, Петр, я все верну Сергею, только не бей.

Зина со своей подружкой после услышанного захихикали. У Петра пропало желание наказывать обидчика своего друга. Он просто приблизился к нему и сказал:

– Сергею ты, конечно, все вернешь. А вот скажи-ка мне, чем это ты перед восточными провинился, что за должок такой?

Козловский, радуясь, что его не побьют, что-то замямлил, но тут его младший брат Сеня, одноклассник Петра, со злостью начал пинать родную кровь. Петр унял Сеню, а тот закричал:

– Говорил я тебе, придурок, что добром это не кончится! Теперь с нас не слезут, никто не поможет!

Успокоившись, Сеня поведал Петру гадкую историю, которая произошла с ними полгода назад. Однажды зимой Козловские поехали гулять в город и на обратном пути в ожидании рейсового автобуса решили попить на автостанции пивка. Так как в то время отпуск спиртных напитков лицам, не достигшим двадцати одного года, был строго-настрого запрещен, Сеня заприметил в кафетерии одиноко сидевшего пожилого мужчину, попивавшего пивко. Возле его стула стояла пустая бутылка портвейна. Мужчина оказался разговорчивым и пригласил ребят за стол. Он возвращался домой в поселок Восточный из городского военкомата, где ему вручили орден Красной Звезды, затерявшийся еще с самой войны.

– Апанас, – представился собеседник, распахнул бушлат, и Козловские увидели военную гимнастерку, всю увешанную наградами.

– Вот он! – герой указал пальцем на новенький, блестящий орден.

Апанас полез во внутренний карман и достал карманные часы «Чайка» на цепочке.

– Их мне лично сам военком подарил. Вот тут снизу даже мои инициалы имеются.

Выпивший ветеран купил еще одну бутылку портвейна, и все втроем ее быстро раздавили, так как нужно было уже идти на посадку. Поселок Восточный являлся конечной остановкой пригородного автобуса и находился в пяти километрах от Низменного. Трястись предстояло почти час, поэтому новые знакомые уселись на задние сиденья и тут же задремали. Сеня проснулся от страшного крика своего брата. Орденоносец Апанас двумя руками держал на изломе кисть старшего Козловского и громко возмущался:

– Ах ты выродок! Решил мои наградные часы утащить? Это за то, что за мои гроши вино жрал?!

Автобус остановился, среди пассажиров началась шумиха. Было принято решение в поселке Низменном сдать воришку в милицию.

Участковый Кашкин Андрей Ефимович поочередно поглядывал на братьев Козловских:

– Ну что, допрыгались, бездари? Я вам сколько раз гово-

рил: хватит бездельничать, добром это не кончится, работу надо искать или учиться.

В кабинет вошли Апанас и отец Козловских Семен Макарович. Ветеран, усевшись на стул, заговорил:

– Значит, так. Заявление писать пока не буду, а завтра пришлю к Семену Макаровичу внуков. Мы с ним договорились за продажу быка по выгодной для меня цене. Позвольте откланяться: хлебовозка ждет, водитель пообещал подкинуть до поселка.

Рассказ Сени прервал прибежавший Михась:

– Пацаны, вы чего тут торчите? На танцах восточные драку затеяли. Музыканта Лампочку ножом полоснули, наши, местные взросляки сбежались и так им всем вломили! Половина врассыпную, а остальных Кашкин в клубе закрыл, разбирается.

Когда Петр узнал, что Вячеслав Еремин тоже в клубе и не причастен к ранению Лампочки, а, по рассказам очевидцев, просто оборонялся и даже неоднократно пытался прекратить массовую драку, он подошел к братьям Козловским и попросил:

– Кашкин – ваш дядька. Так вот, если вы хотите, чтобы Славик-боксер со своими дружками оставил вас в покое, идите к Андрею Ефимовичу и скажите, что Еремин Вячеслав (и еще пару человек назовите) – ваши друзья, пусть отпустит.

Козловские пошли в клуб и примерно через полчаса вы-

шли обратно со Славиком и парой восточных пацанов.

На окраине поселка Низменного Петр, прощаясь со Славиком, попросил:

– Дружище, оставьте наших Козлов в покое, за то что они упросили своего дядьку-участкового не раздувать бучу за драку. А с нашим музыкантом Лампочкой вы уж, пожалуйста, по-человечески разберитесь, ни за что человек пострадал. Буду очень признателен.

Друзья крепко пожали друг другу руки и разошлись.

Глава 7. Первые шаги в профессии

В понедельник рано утром Петр вошел на проходную городской автоколонны.

– Пропуск? – обратился к нему вахтер. Петр вынул из кармана направление и положил в маленькое окошко.

– А-а-а, новенький, по направлению… Ну что ж, сейчас я тебя в журнал запишу, и пойдешь становиться трудящимся гражданином. Да, зайдешь в контору и направо по коридору до конца, там отдел кадров. Ступай.

После оформления документов в отделе кадров Петр нашел в коридоре табличку с надписью «Директор городской автоколонны», постучал и вошел.

– Вы по какому вопросу, молодой человек?

– Мне нужно директору представиться. Я новенький водитель, к вам по направлению.

Секретарша зашла в кабинет директора и через минуту пригласила:

– Заходите.

Петр вошел в кабинет директора, представился.

– А я Павел Петрович. Давай-ка сюда свои документы.

Руководитель принялся читать характеристику Петра. В кабинет заглянула секретарша:

– Павел Петрович, завгар по вашему вызову явился.

– Пусть заходит, – директор не отрывался от характери-

стики.

Петр увидел маленького толстенького мужичка в смешной кепке, напоминавшего колобка из детской сказки.

– Так, Александр Александрович, передаю тебе в подшефные нашего нового работника: водитель третьего класса, спортсмен-перворазрядник по боксу. Будет теперь за нашу автошколу в соревнованиях участвовать. Ты его два раза в неделю на час раньше с работы отпускай, пусть тренируется.

Директор поднялся из-за стола, скрывавшего его довольно высокий рост, и подошел к Петру:

– Не ты первый и не ты последний должен будешь следовать нашему золотому правилу: «Прежде чем стать хорошим водителем, сначала стань первоклассным механиком». Скоро ты поймешь, что я имею в виду, а сейчас иди в приемную и подожди там Александра Александровича.

Петр с завгаром прошли вдоль всех гаражных боксов и в самом конце остановились у кучи металлолома. Среди множества разбросанных железяк, как памятник, на пеньках без колес стоял старый «ЗИЛ». Деревянная кабина покосилась, стекол не было. Водительская дверь еле держалась на петлях. Кузов наполовину разобран. Создавалось впечатление, что грузовик попал под авиабомбежку. Завгар взглянул на Петра:

– Ну вот, боксер, это твой объем работы. За три месяца стажировки ты должен эту рухлядь восстановить. Запомни: для водителя ремонт – это ползарплаты, и чем быстрее ма-

шина у тебя отправится в рейсы, тем больше закроешь путевых листов, лучше заработаешь. Начни со списка необходимых запасных частей, но все сразу не набирай, по мере необходимости. Да и называй меня Сан Санычем, так привычней. Если что-то тяжелое, нужна помощь – обращайся к ребятам, они всегда подсобят и подскажут, у нас так принято. Ну все, мне нужно идти. Не стесняйся, обращайся.

Петр взялся за дело с большим энтузиазмом. Он приезжал на работу на час раньше, а вечером задерживался. В автобусе по дороге из дома и обратно читал книжку по механике. Возле него постоянно крутились, подсказывали и помогали шофера, удивлявшиеся работоспособности и стремлению молодого парня. Петр даже поставил магарыч поселковому столяру Ивановичу и неделю возил его за свой счет на работу, чтобы тот помог ему восстановить деревянную кабину и отремонтировать кузов. Так незаметно пролетел целый месяц. Невероятно уставая на работе, Петр все же находил в себе силы три раза в неделю ходить на тренировки в спортзал.

…И вот он, выйдя из бухгалтерии с талончиком, встал в очередь в кассу за зарплатой.

– Ну что, Петр, поздравляем тебя с первой зарплатой. Теперь надо проставляться: прописка в коллективе – дело серьезное, – шутили мужики.

Получив на руки пятьдесят четыре рубля семьдесят семь копеек, Петр побежал в магазин, купил бутылку водки, бу-

ханку хлеба, две консервы, полкилограмма сосисок. В мастерской гаража мужики уже организовали застолье и приняли на грудь горячительного напитка. Когда Петр поблагодарил всех за содействие в работе и объявил, что ему нужно срочно бежать на тренировку, никто не стал возмущаться. Петр поставил на стол купленную водку с закуской, и с ним все попрощались, уважительно пожимая руку.

Вечером за семейным ужином Петр сказал отцу, что получил сегодня первую зарплату. Он достал из кармана двадцатипятирублевую купюру:

– Возьмите, батя. Я себе на жизнь оставил, а вам на семейные нужды деньги пригодятся.

Николай Никифорович, похлопав сына по плечу, ответил:

– Петруха, на семейные нужды и моей пенсии хватит, а эти гроши я спрячу. Они надежнее, чем в банке, храниться будут. Ты старайся деньгами заработанными экономно, по-умному распоряжаться, но не в ущерб своему желудку и внешнему виду. На дворе октябрь, зима на носу. Посмотри, что у тебя с вещами теплыми, мерзнуть нельзя, заболеешь – не сможешь работать. Так что запомни, сынок: настоящий мужик зарабатывает деньги, чтобы жить по-человечески, а не прячет их, как куркуль. Всех денег не заработаешь и не прогуляешь, чтобы в долг вечно не жить и быть кому-то обязанным.

Петр ложился спать с хорошим настроением, чувствуя, что втягивается в жизнь рабочего человека, в первые дни по-

казавшуюся ему ужасно тяжелой.

Он продолжал с огромным усердием трудиться над восстановлением своего грузовика. Зима в Сибирь приходит рано, и, как только выпал первый снег, Петра вызвал к себе завгар:

– Послушай, парень, у тебя что – языка нет? Ты что, собираешься под открытым небом, на морозе свою рухлядь чинить? Я, понимаешь ли, занят, за всеми не услежу… А сам не мог попросить, чтобы тебя в бокс гаражный, под крышу определили? Спасибо мужикам, похлопотали. Ладно, ступай к бригадиру Еремеевичу, он покажет твое место зимовки.

Когда мужики помогли Петру закатить его автомобиль в гараж, на указанное Еремеевичем место, старый бригадир обратился к нему:

– Сынок, я вижу, парень ты трудолюбивый, уже вот дело к ремонту двигателя подошло. Так я к тебе в помощь Павла приставлю. Его хотя и отстранили за пьянку от баранки, но механик он отличный, все равно по гаражу без дела шарахается. Так что не переживай, научит он тебя в движках разбираться лучше любого института. Да, не вздумай ему магарычи покупать: сорвется, запьет – вообще с работы выгонят.

Павел был сорокалетним мужчиной среднего роста и оказался очень разговорчивым человеком. К тому же, пока снимали двигатель и занимались его разборкой, Павел поведал Петру много шоферских хитростей: как можно на государственной машине шабашить, зарабатывая при этом больше,

чем зарплата. С каждым днем Петр все больше узнавал о Павле, его шабашках, любовных приключениях и даже героических поступках. Работать с ним оказалось приятно, это действительно был Механик с большой буквы.

И вот настал долгожданный момент. Павел, улыбаясь, посмотрел на Петра и сказал:

– Ну что, коллега, сегодня пятнадцатое октября, полмесяца мы с твоим двигателем провозились. Будем пробовать заводить.

Павел попросил Еремеевича выделить машину для буксировки. Бригадир дал распоряжение кому-то из шоферов. Петр закрепил трос от своего заново рожденного автомобиля к фаркопу подъехавшего и ставшего впереди грузовика. Испытывая огромное волнение, Петр уселся за руль и включил зажигание.

– Господи, помоги… – неоднократно повторял он про себя.

Когда открыли ворота гаража, Еремеевич махнул рукой и громко крикнул:

– Поехали, с Богом!

Все мужики что-то кричали, давали советы, но Петр был настолько сосредоточен, что никого не слышал и, как только выехал из гаража, выжал педаль сцепления и включил вторую передачу. Какую радость испытал Петр, услышав шум работающего двигателя! Достигшее максимума волнение погасилось восторженными эмоциями, перенасытившими Пет-

ра. Подбежавший Павел отсоединил трос и крикнул:

– А меня прокатишь?

– Давай в кабину!

Сделав круг по территории автоколонны, Петр остановился, и они с Павлом вышли из автомобиля. После поздравлений все разошлись, а Еремеевич спросил Павла:

– Ну, что скажешь?

Тот ответил:

– А ты, бригадир, сам попробуй проедь. Я лично считаю, что с двигателем полный порядок. Осталось печку отремонтировать и с электропроводкой разобраться. Но это уже не по моей части, хотя Петьке могу помочь, там ничего особо сложного нет.

Еремеевич почесал затылок, задумался на минуту и сказал:

– Павел, я с директором о тебе на днях разговаривал. Так что, если Петр не против, можете стать напарниками. Доделывайте машину, а как сдадите в эксплуатацию и пройдете технический осмотр, вперед в рейсы. Ты, Павел, смотри, будешь у меня на особом крючке, так как я на себя ответственность взял, чтобы последний раз тебя к баранке допустить. Не дай Господь, хотя бы запах услышу. А тебе, Петр, комсомольское поручение: следить за старшим товарищем. Хороший работяга, еще бы в сторону бутылки не смотрел…

Ровно неделя понадобилась Петру и Павлу, чтобы довести до ума свою кормилицу. И вот после сдачи автомобиля в экс-

плуатацию и прохождения технического осмотра они вместе с бригадиром стояли в приемной директора. Дверь кабинета открылась, вышедшая секретарша пригласила всех войти. Выслушав Еремеевича, директор подошел к Петру и крепко пожал ему руку:

– Молодец, можешь считать, что стажировка у тебя закончилась. С понедельника твой грузовик бригадир включит в разнарядку – и поедешь в первый рейс.

Павел Петрович также пожал руку Павлу:

– Смотри у меня! Если услышу хотя бы одним ухом о твоих пьянках, выгоню с такой характеристикой, что даже в тюрьму не возьмут. Тем более у тебя сейчас напарник молодой. Ты должен ему пример во всем показывать. Молодец, что помог Петру машину восстановить, но, если подведешь, пощады от меня впредь не жди. Все, не смею вас больше задерживать, до свидания.

Выйдя из конторы, Еремеевич еще раз поздравил Петра с окончанием стажировки и сообщил, что директор подписал приказ о назначении его водителем.

– Да, Петр, так как ты полноправный работник нашей автоколонны, можешь в бухгалтерию подать заявку и выписывать уголь за полцены. Машина для этих целей у нас выделяется бесплатно, так что порадуешь стариков. Ну, давай, хороших выходных!

– Спасибо, Еремеевич! – ответил Петр и направился к проходной.

Вечером за ужином Петр рассказал обо всем отцу. Николай Никифорович порадовался за сына и похвалил его.

– А теперь, Петруха, пойдем спать. Завтра с утра нам с тобой нужно от Гришки несколько тележек угля перевезти. На улице с каждым днем холодает, а у нас через неделю нечем будет печь топить, замерзнем.

– Батя, так я в понедельник на работе пару тонн могу заказать за полцены, к тому же в счет будущей зарплаты. И машину для доставки бесплатно дают. А с утра, может, лучше ремонтом сарая займемся, а то и ворота плохо открываются, и крыша прохудилась.

Отец одобрительно покачал головой:

– Я полностью, сынок, с тобой согласен, и мне приятно, что у тебя такие хозяйские взгляды на жизнь.

В понедельник утром Петр вышел на автобусной остановке у проходной автоколонны.

– Петр! – окликнул его Еремеевич. – Доброе утро. Ну, как насчет угля? Поинтересовался у родителей?

– Да, Константин Еремеевич. Как раз уголь срочно нужен, запасов совсем немного осталось.

– Значит, ступай в бухгалтерию, выписывай – и ко мне с бумагами. Как раз на шахту «Центральная» продукты повезете, заодно уголь получишь и отвезешь домой. Ну, дуй быстрее. Я жду.

Получив у бригадира путевой лист, Петр и Павел поехали на городской продовольственный склад, где загрузили ма-

шину какими-то ящиками. Им выдали необходимые документы на груз, и они отправились на шахту. После выгрузки кладовщик расписался в путевом листе и указал время. Петр поинтересовался, как найти контору и к кому обратиться насчет получения угля.

– Так это мы сейчас быстро на угольном складе узнаем. Зачем тебе контора! – и кладовщик принялся звонить по внутреннему телефону.

…На обочине дороги появился знак: «Поселок Низменный». Подъехав к своему дому, Петр вышел из кабины и увидел во дворе удивленного отца.

– Петька, это ты? А я думаю: что за грузовик подъехал?

– Да, батя, это я, с углем.

Через несколько минут набежали соседские мужики, чтобы полюбопытствовать и, если нужно, помочь.

Кто застал то время, помнит, как дружно жили люди. Несмотря на трудные времена, присутствовали взаимовыручка и доброта. И тогда, конечно, были изгои общества, но основными канонами являлись человечность, трудолюбие, честность, и все это объединял огромный патриотизм, который жил в сердце каждого человека.

Меньше чем за час уголь не только выгрузили, но и перенесли в сарай. Закончив уборку в кузове, Павел обратился к Петру:

– Слушай, напарник, время уже шесть вечера, рабочий день закончился. Ты оставайся дома, а я машину в гараж сам

отгоню. Какой смысл тебе со мной в город ехать, чтобы потом назад на автобусе тащиться?

Петр поблагодарил Павла за помощь, и они попрощались.

За год трудовой деятельности в автоколонне Петр ни разу не опоздал на работу, никогда не отказывался от невыгодных, малооплачиваемых рейсов, добросовестно выполнял все поручения начальства, за что часто получал премии, а на собраниях его неоднократно ставили в пример. Когда пришло время увольняться в связи с предстоящей службой в армии, бригадир от лица всех мужиков подарил Петру новый рюкзак и сказал:

– Ну что, Петр, привыкли мы к тебе за год. Желаем хорошей армейской службы. Когда демобилизуешься, милости просим назад, в наш коллектив. А не захочешь, так в гости заходи, всегда будем рады видеть. Ты нам здесь многим в сыновья годишься, возмужал на глазах, так что служи добросовестно, не подведи. Мы в тебя верим.

Получив расчетные документы, Петр направился в спортивный комплекс «Сибирь», чтобы попрощаться с Александром Ивановичем и товарищами. Приехав под вечер домой, после ужина Петр с отцом долго сидели на веранде и разговаривали. Было видно, что Николай Никифорович волнуется, но старается не подавать вида. Когда время было уже за полночь, отец сказал сыну напутственные слова:

– Петр, мне уже шестьдесят шесть лет. Не знаю, дождусь ли тебя после службы, уж больно много здоровья в шахте

оставил. Но ты, сынок, запомни: жизнь человеческая состоит из ступеней, и идет человек по этой лестнице сначала в гору, а потом вниз. Споткнешься на подъеме, время потеряешь, как уже спускаться надо. И самое страшное – это когда будешь чувствовать, что осталось несколько шагов до конца, а ты так и не побывал на вершине и не познал смысл жизни. Поэтому, Петр, всегда обдумывай каждый свой шаг и ступай твердо и уверенно. Я в тебя верю, мой сын. А предстоящая служба – отличная школа мужества, один из основных факторов становления мужчины, приобретения важных черт характера, чего нельзя получить в гражданской жизни. Армия – это мужской коллектив, а значит, чтобы выжить, нужно быть справедливым, смелым, добросовестным, ответственным, иметь твердый характер, и нет здесь места трусости, подхалимству и высокомерию. Петруха, не так страшен черт, как его малюют. Мне пришлось на двух войнах побывать, а дед твой, Никифор Степанович, вообще три войны прошел. Что на роду написано, так тому и быть, от судьбы не уйдешь. Ну, пошли спать, а то мы так с тобой до утра проболтаем, а завтра нужно к проводам готовиться. Люди придут – по-человечески нужно встретить.

Проводы Петра в армию проходили так же, как у всех: шумная гулянка продолжалась до шести часов утра. В эту сентябрьскую субботнюю ночь весь поселок Низменный не спал, так как родители еще двух парней провожали своих чад выполнять гражданско-патриотический долг, защищать

Отечество.

При въезде в поселок, где находился барак с магазином и почтой, собралось много народу. До девяти часов утра играла гармонь – кто пел, кто танцевал. Некоторые не в состоянии больше пить и, скорее всего, не понимая, что происходит вокруг, просто сидели на траве не в силах бороться со своим пьяным и усталым от бессонницы организмом.

– Автобус, автобус! – послышались громкие голоса. Со стороны поселка Восточного медленно приближался красный «ЛиАЗ». Тут же послышались всхлипы женщин. Из громкоговорителя, закрепленного на самом верху телефонного столба, полилась музыка – «Прощание славянки».

Старший брат Григорий пожал руку Петру, затем крепко обнял и отошел в сторону. Его жена Ольга тоже приобняла Петра, поцеловала в щеку и пожелала хорошей службы. Мама молча стояла, из ее глаз катились слезы.

– А ну, не распускай нюни, бабка! – строго сказал Николай Никифорович. – Радуйся, что мы такого сына-красавца вырастили. Он Родину идет защищать в армию, а не на войну.

В то время у людей старшего поколения в глубине души еще оставались эмоции, переживания и страдания, накопившиеся в годы Великой Отечественной войны, когда они провожали на фронт своих близких. Такое было время, такова была идеология, уклад жизни: ни один родитель не сомневался в необходимости его чаду защищать Отечество. Гордость и уважение окружающих испытывали семьи, в которых

парни служили в армии.

– Новобранцы, ко мне! Строиться в одну шеренгу для проверки личного состава! – громко отдал команду молодой офицер, после того как участковый Кашкин вручил ему папку с документами призывников.

Уже перед дверью автобуса Вера подбежала к брату:

– Петруша, постой! На вот, возьми, ты продукты забыл. В дороге с ребятами покушаете. Тут и пирожки, и картошка. И еще вот соседская девочка Наденька платочек просила передать.

Автобус тронулся с места и медленно стал отъезжать от провожающих односельчан. И тут Петр увидел Надюшеньку: она стояла с одним из своих братьев у заброшенной водокачки и махала рукой. Петр не сомневался, что прощалась она именно с ним.

Глава 8. Случай в армии

Служить Петр попал в соседний с Кемеровской областью Красноярский край, в ракетную часть, расположенную недалеко от города Ачинска. Первые три месяца, как и всем новобранцам, пришлось проходить КМБ: курс молодого бойца. Петр попал в роту, где старшиной был уже пожилой старший прапорщик грузинской национальности Дото Цховребошвили. Видимо, из-за боязни быть уволенным на пенсию по выслуге лет он выслуживался перед офицерами-начальниками как мог, что непременно сказывалось на личном составе вверенной ему роты. Создавалось впечатление, что у старшины нет дома: он постоянно находился в казарме и весь распорядок дня смещал на пять минут. По распорядку дня, отбой производился в двадцать два часа, а у прапорщика-грузина – в двадцать один час пятьдесят пять минут. Если подъем, по распорядку, должен производиться в шесть часов утра, то у прапорщика-грузина в пять часов пятьдесят пять минут рота уже была поднята и выдвигалась на утреннюю физическую зарядку. Такое временное смещение происходило перед проведением всех мероприятий. Поэтому хитро-грузинская рота, как шутили в части, была образцовой, и ни один проверяющий не имел претензий к выполнению распорядка дня в подразделении.

Однажды в личное время после обеда Петр направился

в «Чепок» – армейское кафе при части, где занял очередь, чтобы купить пирожное с лимонадом. Через несколько минут в кафе зашли два солдата в парадной форме и, минуя очередь, подошли к столу буфетчицы. Один из солдат, маленького роста, сказал:

– А ну-ка, духи, пропустите «дедушек» перекусить перед увольнением в город. А может, кто угостить хочет? Так мы не откажемся.

Петр подошел к старослужащим:

– Встаньте в очередь. Чем вы лучше других?

Маленький «дед» ехидно улыбнулся, засветив свои желтые зубы, со злостью ответил Петру:

– Что-то тут дерьмом завоняло, видимо, душара рот свой поганый открыл. Я тебе вообще запрещу здесь появляться, пока не демобилизуюсь. А ну пошел отсюда на три веселых буквы! – и толкнул Петра в грудь.

Петр хмуро посмотрел на обидчика и строго сказал:

– Послушай, карлик, если ты мужчина, а не девочка, пойдем прямо сейчас в спортзал, наденем боксерские перчатки и выясним отношения. Но предупреждаю: если еще раз распустишь руки, рожа твоя до дембеля зажить не успеет.

Другой старослужащий сказал:

– Пошли в спортзал, но сначала со мной будешь драться, потом с ним.

– Я согласен, – ответил Петр.

Почти все присутствующие в буфете солдаты направились

в спортзал.

Начальник по физической подготовке части старший лейтенант Скляр выслушал старослужащих и разрешил воспользоваться рингом при условии, что сам будет судить поединки. Дуэлянты сняли гимнастерки, сапоги, им помогли зашнуровать боксерские перчатки. Судья коротко перечислил правила и скомандовал:

– Бокс!

Почти минуту противник Петра как ошпаренный прыгал по рингу, выбрасывая десятки ударов и затрачивая огромное количество энергии, но ни один удар цели так и не достиг. Петр, технично уклоняясь от ударов, изрядно измотал противника, и, когда тот стал терять координацию движений из-за слабой выносливости, резкий и сильный апперкот заставил «дедушку» лязгнуть зубами, и он рухнул как стена. Скляр воскликнул:

– О-го-го-о-о! Вот это удар, вот это техника!

Боксирование с карликом заняло десять секунд, в итоге разбитый нос и огромный синяк под глазом. Все присутствующие, в основном молодые солдаты, ликовали. Скляр обратился к Петру:

– Ты из какой роты, боксер, и как тебя зовут?

Петр ответил.

После обеденного свободного времени прапорщик-грузин устроил в роте тренировку по подъему и отбою. Целый час солдаты прыгали то в кровать, то из нее. А затем до са-

мого ужина подразделение занималось чисткой оружия. После отбоя Петр моментально уснул и блаженно заулыбался, потому что «оказался дома». Родной поселок Низменный, утопающий в зелени, переливался от разноцветной радуги. На окраине Александр Иванович Бойко перед строем ребят показывал, как правильно боксировать. Участковый Кашкин бегал с ремнем вокруг клуба за братьями Козловскими. Петру казалось, что он наблюдает за всем этим с высоты, будто летит. Вот и дом родной, а во дворе батя, Николай Никифорович, ругает брата Гришку за его пьянки. И вдруг из соседнего дома вышла Наденька в красивом зеленом сарафане, с косынкой на голове. Как сильно захотелось Петруше в этот момент спуститься на землю, но какая-то невидимая сила толкала его, и он удалялся. Толчки ощущались все сильнее и сильнее, а от последнего Петр почувствовал боль в боку и проснулся уже в сидячем положении на своей кровати. Первое, что увидел, – шкафы с висящими солдатскими шинелями. У закрытой двери стоял с опущенной головой дежурный по роте, за спиной оказались трое старослужащих, а еще двое, с которыми он вчера боксировал, сидели на кушетке у окна и пили чай. В тот же момент стоявшие сзади «дедушки» набросились на Петра, заломили руки, засунули в рот тряпку, при этом нанося удары по спине и шее. В согнутом положении Петра подвели к столу, где чаевничали вчерашние знакомые, «дед»-карлик поставил кружку на подоконник и нанес Петру несколько ударов в лицо. Из разбитых носа и

губы хлынула кровь, голова гудела.

– Ты у меня, падаль, сейчас будешь своим поганым языком сапоги лизать, – свирепствовал карлик и уже было опять ринулся с кулаками на жертву, но один из державших Петра «дедушек» с криком бросился успокаивать своего сослуживца:

– Остынь, Мотыль, мы же договорились по роже не бить и без крови.

В этой временной суматохе Петр успел прийти в себя и с большой силой ударил пяткой в пах держащего его сзади неприятеля. Затем выдернул дужку из своей кровати и сказал:

– Ну, давай, кто хочет первым гипс поносить?

Помещение каптерки было узким, поэтому на него ринулись только два человека. Первый из нападавших получил со всего размаху удар по руке такой, что дужка согнулась. Он взвыл от боли и упал на пол. Петр отпрыгнул в угол между стеной и шкафом и принял боксерскую стойку. Второй нападавший получил серию ударов по лицу и упал. При этом теперь его физиономия выглядела хуже, чем у Петра. Еще один из «дедушек», неправильно оценив обстановку, бросился с матами на молодого солдата, но Петр, заняв выгодную для себя оборону в углу, легко вырубил очередного противника. Дееспособными остались только двое вчерашних знакомых. Понимая, что одновременно они напасть не смогут, занервничали, и карлик от пролившегося кипятка взвревел как

медведь. Последний «дедушка», видимо, страшно испугавшись неминуемой расплаты, разбив своим туловищем стекло, выбросился из окна, благо этаж первый и на улице было много снега. В это время дверь каптерки резко открылась, ударив при этом изумленного дежурного по роте сержанта, и в помещение вбежало несколько знакомых и не знакомых Петру офицеров. Сам он, сидя на корточках, был в полусознательном от боли и перенесенного стресса состоянии.

Очнулся Петр в санчасти. Перед ним стояла молодая, симпатичная медсестра:

– Ну что, проснулся, драчун? Потихоньку собирайся, тебе нужно анализы сдавать. Ох и натворил ты дел: кучу дембелей избил! К нам в часть редко столько генералов и разных начальников приезжает, а тут как пчелы слетелись, ЧП на весь гарнизон.

– Вы драчуну помогите собраться, – обратилась медсестра к другим больным.

И тут Петр увидел: на каждой руке у него по нескольку пальцев в гипсе, почувствовал, что шея и туловище, особенно правый бок, очень туго перевязаны.

В палату вошел пожилой врач:

– А ну-ка, покажите мне героя-самозащитника, что с ним?

Доктор внимательно осмотрел Петра и обратился к медсестре:

– Танюша, сейчас к нему многие офицеры будут прорываться, расследование-то ого-го какое предстоит. Но под мо-

им категорическим запретом никого к больному не подпускать. Я думаю, дней десять ему надо, чтобы от шока отойти. А вообще парень – молодец, мне всю с ним историю рассказали. Пусть теперь командиры и замполиты от начальства нагоняй получают, за то что с дедовщиной слабо борются.

В тот же день после обеда в палату к Петру забежала медсестра Танюша.

– Так, быстро наводим порядок, – обратилась она к солдатам, лежавшим на кроватях и занимавшимся каждый своим делом: кто дремал, кто читал, а кто писал письмо домой.

Буквально через десять минут дверь резко открылась, и в палату вошли пять человек, одним из которых был пожилой доктор, знакомый по утреннему осмотру и являвшийся, как потом узнал Петр, начальником санитарной части.

– Товарищ полковник, это и есть тот молодой солдат, – указывая на Петра, сказал доктор. – У меня к вам только большая просьба: ему нужен покой, парень и физически пострадал, и большой моральный стресс перенес.

– Хорошо, мы на пять минут, – ответил полковник и подошел к кровати Петра. – Здравствуй, солдат!

– Здравия желаю, товарищ полковник! – ответил Петр и попытался приподняться.

– Лежи, лежи, тебе нужно поправляться. Я тебе, как начальник гарнизона, обещаю, что, пока не выздоровеешь, никто тебя тревожить не будет. Кого нужно капитан Зайченко из особого отдела уже допросил. У меня к тебе просьба,

Петр: кто бы ни приходил и что бы ни говорил, никому не давай спуску. Каждый виновный получит по заслугам. Тебя в каптерке не жалели, а если бы убили? Дело сто процентов дойдет до трибунала, а суд будет образцово-показательным, при части, в присутствии личного состава, чтобы всем был хороший урок и больше никому неповадно было. Да, если будешь до конца мужчиной, так у меня через два месяца второй водитель демобилизуется, возьму к себе в гарнизон, и считай, что отпуск у тебя в запасе. Ну все, Петр, выздоравливай!

Улыбнувшись, полковник добавил:

– Я сам по молодости боксом занимался, а у нас, у боксеров, все должно в два раза быстрее заживать.

Глава 9. Поворот в службе

У Петра не было никаких переломов, поэтому через две недели его выписали из санчасти.

Петр прибыл в расположение роты после обеда, поэтому весь личный состав подразделения восторженно его приветствовал. Сослуживцы, даже те, с которыми Петр раньше особо не общался, расспрашивали о здоровье, рассказывали о последних событиях в подразделении.

Оказывается, старшина роты старший прапорщик Дото Цховребошвили на следующий день после ЧП написал рапорт об увольнении в запас, но Батя – командир части сказал, что никто никуда не уволится до полного разбирательства.

И тут раздался громкий голос дежурного:

– Рота-а-а, смирно! Строиться для проверки личного состава!

Капитан Кравец командовал ротой полгода, но с первых дней заслужил у солдат авторитет. Прежде всего за справедливость, заботу о подчиненных, свой безупречный внешний вид, а также хорошую спортивную подготовку. Офицер, проходя вдоль строя, остановился возле Петра:

– Как здоровье, рядовой? Готовы нести службу после отлежки в санчасти?

– Так точно, товарищ капитан! Готов! – четко ответил Петр.

Кравец приказал Петру выйти из строя и дожидаться его в канцелярии, а сам продолжал командовать:

– Командирам взводов вывести роту на плац и в течение двух часов провести строевую подготовку!

Канцелярия, то есть кабинет ротного, представляла собой маленькую комнатушку, где с трудом поместились стол, сейф, шкаф и два стула. На стене висели портреты Суворова и Дзержинского.

Ротный предложил Петру сесть на стул и начал разговор:

– Петр, командиром части при помощи начальника физической подготовки старшего лейтенанта Скляра мне поручено сформировать спортивную роту из молодых солдат в количестве примерно пятьдесят человек. Предлагаю тебе стать командиром боксерского отделения. Базироваться мы будем в спортивном комплексе, для этого выделено специальное помещение.

Петр, не задумываясь, с радостью согласился.

– Ну, тогда иди собирай вещи, завтра день переезда, – сказал капитан Кравец.

Сформированная капитаном Кравцом спортивная рота пользовалась в части определенными льготами, но только в плане общего распорядка дня: многие занятия по военно-патриотической подготовке были заменены спортивными тренировками. Петру новая служба нравилась. И, хотя тренировки изматывали так, что даже увольнительной в город предпочтения было меньше, чем сну, это было куда инте-

реснее, чем наряд по столовой или дежурство в карауле. Перед солдатами-спортсменами была поставлена боевая задача успешно выступить в летней военной спартакиаде, проводимой среди воинских частей всех родов войск Западно-Сибирского военного округа.

Глава 10. Трибунал

В один из январских морозных дней подразделение капитана Кравца прибыло в клуб воинской части. На сцене большого актового зала стояли столы и трибуна, а в проходе между сценой и рядами, как бельмо в глазу, громоздились пять больших черных табуретов. В помещении стоял гул от множества присутствующих солдат, прапорщиков и офицеров. Из-за кулис вышел заместитель командира по политической подготовке полковник Федоров и, обращаясь к присутствующим, громогласно скомандовал:

– Всем встать! Смирно!

На сцену вышли несколько офицеров, среди которых Петр узнал начальника гарнизона полковника, который навещал его в санчасти. Замполит воинской части Федоров отрапортовал начальнику гарнизона о том, что личный состав для проведения общепоказательного трибунала собран. Тот, в свою очередь, доложил пожилому генералу, который являлся начальником гарнизонного трибунала. Генерал отдал команду:

– Вольно, прошу всех сесть на свои места, – достал из портфеля несколько листков бумаги и подошел к трибуне. – Товарищи военнослужащие, заседание трибунала объявляю открытым. Хотелось бы своей вступительной речью не по уставу, а по-человечески дать вам понять, что мы собрались

здесь в связи с чрезвычайным происшествием в вашей части. Я должен заметить, не просто происшествием, а преступлением, которое совершили теперь уже ваши бывшие сослуживцы. Они возомнили себя неизвестно кем и позволили вершить по-своему устав – закон воинской службы. Наш святой долг перед Родиной – безупречная служба, полная самоотдача, от солдата до генерала, при выполнении своих обязанностей. Отдельные элементы, порочащие великое звание «защитник Отечества», заслуживают самого сурового наказания. Хочу заметить, что каждый отдельно взятый факт проявления дедовщины – это клеймо на всей нашей прославленной армии, и это зло должно искореняться до полного уничтожения. Вот вы все, присутствующие в этом зале, могли бы нанести вред вашим младшим братьям, сестрам или другим близким родственникам? Я уверен, что нет. Так почему, живя в большой военной семье, да, именно семье, отдельные старослужащие позволяют себе издеваться над молодыми солдатами, которым, наоборот, нужно всячески содействовать и помогать становиться настоящими воинами, овладевать армейским мастерством? Все начинается с элементарных нарушений самодисциплины. Где-то что-то упустили командиры, сам расслабился из-за лени или безответственности, в итоге совершаешь воинское правонарушение, еще хуже – преступление, из-за которого страдает не только нарушитель, но и все подразделение. Поэтому не нужно стесняться делать друг другу замечания. Будьте отзывчивы-

ми и бдительными к своим товарищам. Поверьте мне, годы службы останутся в вашей памяти на всю жизнь. Здесь вы обретете настоящих друзей на долгие годы, научитесь преодолевать трудности, здесь заканчивается детство и происходит закалка характера. Вы вернетесь домой настоящими мужчинами, прошедшими суровую школу мужества и готовыми в любую минуту по зову Родины встать на защиту ее необъятных рубежей. И последнее: хочу дать вам напутственный совет. Как говорят в солдатской среде, дембель неизбежен, так неизбежно и наказание за любой, пусть даже незначительный, проступок. Это вам пригодится и в гражданской жизни, после увольнения в запас.

На Петра речь пожилого генерала произвела большое впечатление. Он так задумался, что даже пропустил ход дальнейших событий, а очнулся, когда по залу между рядами в сопровождении вооруженного конвоя провели пятерых обвиняемых, знакомых ему солдат.

Остановившись возле сцены, старший конвоя доложил одному из офицеров и, получив ответ, отдал обвиняемым команду сесть на черные табуретки. Два конвоира встали возле сцены лицом к залу.

Процесс трибунала начался с зачитывания дела обвиняемым солдатам. Затем выступали офицеры и сержанты – командиры обвиняемых. Выступили прокурор и адвокаты, было дано слово родителям, которые со слезами просили судью сильно не наказывать своих отпрысков. Особенно запомни-

лось выступление одного из отцов обвиняемых. Пожилой мужчина поднялся на сцену, какое-то время молча стоял с опущенной, белой как снег от седины головой, а затем, нахмурив тяжелые брови, обратился к начальнику трибунала:

– Ваша честь, товарищ генерал, прошу вас наказать моего сына, Подорожного Сергея Андреевича, по всей строгости закона. Он опозорил не только своих товарищей, но и нашу семью. Я прошу прощения у всех присутствующих, за то что вырастил такого сына, – и, немного помолчав, закончил свою речь: – Прошу меня извинить, но я не могу присутствовать на этом позоре. Позвольте уйти. Мне еще двое суток домой добираться, а там старуха, совсем плохая, присматривать надо.

Начальник трибунала ответил:

– Присутствие родителей на процессе – дело добровольное, вы вправе покинуть заседание в любое время.

Когда мужчина шел по проходу между рядами, Подорожный Сергей вскочил со своего места и бросился вдогонку с криком:

– Прости меня, батя, простите меня с мамой! Я обязательно искуплю свою вину и вернусь к вам настоящим человеком!

Отец и сын стояли, обнявшись, посреди зала на глазах у всех. Подбежавший конвоир потребовал, чтобы обвиняемый вернулся на место. А когда два близких человека были разъединены, отец, набравшись духу, громко сказал:

– Сынок, все зависит только от тебя. Стань настоящим мужчиной и возвращайся домой.

После обеденного перерыва все вновь собрались в актовом зале. Судебный процесс продолжился. Начальник трибунала объявил:

– Слово предоставляется потерпевшему.

Петр, несколько смущаясь, поднялся со своего места и направился к трибуне. Генерал вновь обратился к нему:

– Скажите, рядовой, как вы восприняли извинения обвиняемых и насколько суровым, по вашему мнению, должно быть наказание ваших обидчиков?

Петр, немного подумав, ответил:

– Ваша честь, скажу честно: извинения обвиняемых показались мне искренними, но я не испытываю к ним ни жалости, ни злости. Мне очень неприятно, что все это произошло, а особенно неприятно присутствовать здесь, видеть лица родителей обвиняемых. Я сам начинаю чувствовать себя виноватым в случившемся, поэтому полностью доверяю военному трибуналу и считаю: какое бы не было вынесено решение о наказании, оно будет законным и справедливым.

После выступления Петра был объявлен перерыв, после которого все присутствующие в зале по стойке смирно целый час слушали приговор. В итоге были объявлены два зачинщика драки – те старослужащие, с которыми Петру довелось боксировать в спортзале. Они получили по два года лишения свободы. Кроме того, чтобы уволиться в запас после

отбывания наказания, им еще нужно будет дослужить шесть месяцев в дисциплинарном батальоне. Остальным участникам преступления было назначено одинаковое наказание в виде одного года дисциплинарного батальона и необходимости дослужить положенный срок для увольнения из армии в запас.

В дальнейшей службе Петра ничего особенного не происходило. Он все три года добросовестно выполнял служебные обязанности, а так как служил в спортивной роте и подразделение неоднократно занимало призовые места в спортивных соревнованиях в Сибирском военном округе, отношение командиров и сослуживцев к солдатам-спортсменам было уважительным. За полгода до демобилизации Петр побывал в отпуске. Пять суток пролетели незаметно, как один день.

Глава 11. Демобилизация

Шел ноябрь 1969-го. В это время года осень в Сибири передает свои полномочия матушке-зиме, а пятнадцатиградусный мороз и большие сугробы служат наглядным подтверждением суровости климата этих мест.

…Водитель рейсового автобуса остановился на пригорке примерно в полукилометре от поселка Низменного и, пожимая руку, сказал:

– Желаю тебе, солдат, хорошо отметить возвращение домой! Удачи!

Петр вышел из автобуса, поставил маленький чемоданчик на снег, глубоко вдохнул и окинул взглядом родные места. Он чувствовал, как сильно забилось сердце. Эти щемящие чувства знакомы только тому, кто после длительного отсутствия возвращался домой, где прошло его босоногое детство. Петр добрался до родного дома в сопровождении оравы мальчишек. В это время из сарая с охапкой дров вышел отец.

– Батя, помочь? – окликнул Петр.

Николай Никифорович как ошпаренный уронил свою ношу и засеменил навстречу сыну. Петр впервые в жизни увидел повлажневшие от слез глаза отца. Они крепко обнялись.

– Дождался… С возвращением, сынок! Дождался, еще и внуков от тебя дождусь. Пошли в хату, Петруха, мать-то как

рада будет!

– Одну минутку, батя, – ответил Петр и подбежал к рассыпанным на снегу дровам.

Мама долго не могла оторваться от сына. Она ничего не говорила, просто плакала от радости. Петр был счастлив, что вернулся домой и родители больше не будут переживать за него, а он за них. Все встало на свои места, как и раньше, с одним существенным изменением: теперь Петр возмужал, окреп, стал настоящим мужчиной.

Основное отличие деревенской жизни от городской заключается в том, что в сельской местности все всё друг о друге знают, а любая новость разлетается по домам с молниеносной скоростью. Так что не прошло и часа, после того как Петр перешагнул порог родного дома, а во дворе и хате уже было полно односельчан. Всеобщая радость и гордость людей за своего земляка, вернувшегося из армии, вылились в гулянья и большую пьянку, на несколько дней. В то далекое время возвращение солдата из армии домой было грандиозным событием и большим поводом для распития горячительных напитков.

Петр не сделал ни одного глотка спиртного, но к десяти часам вечера почувствовал огромную усталость от чрезмерного внимания к себе. Мужики хлестали самогонку везде, даже в сарае, где хранились уголь и дрова. При этом каждый рассказывал о своей геройской службе и безграничной значимости своего пребывания в Вооруженных силах. По их

рассказам, с некоторыми советовались генералы, а кто-то, будучи коком на корабле, отдавал капитану распоряжение направить судно в Африку, чтобы бананов поесть, домой пару мешков набрать и на пальмы с обезьянами посмотреть. А один мужик поведал, как он служил в Ракетных войсках стратегического назначения и по телефону угрожал американцам ядерной войной, потому что Фидель Кастро – нормальный мужик.

Вообще послушать рассказы подвыпивших деревенских мужиков полезно артистам сатирического жанра. Кое-что подредактировать – и готовы концерты для выступлений с на сто процентов гарантированными аншлагами.

Петр предупредил родителей, что пойдет ночевать к Смирнову Сергею, так как очень устал, а дома еще ничто не предвещало о завершении гулянки. Отец с матерью согласились – людей же не выгонишь, но попросили утром не задерживаться, а сразу после подъема возвращаться домой. Два друга детства, Петр и Сергей, незаметно для всех присутствующих удалились, чтобы спокойно поговорить друг с другом. Сергей рассказал Петру, что через три месяца после ухода в армию был комиссован и уволен в запас по состоянию здоровья. Этот факт сильно испортил ему жизнь, так как в те времена представители мужского пола, не отдавшие свой долг Родине, считались белыми воронами. Девчата смеялись: раз в армии не был, значит, ссытся или маменькин сыночек. Таков был менталитет, таково было отношение

к гражданским обязанностям. В людей с детства закладывалась патриотическая идеология: если ты мужчина, значит, защитник Отечества. И снисхождения не было никому, будь ты сынком самого Генерального секретаря КПСС.

Сергей после досрочной демобилизации по совету отца сразу же пошел работать на шахту и за два года усердным трудом добился уважения и авторитета, что сгладило все проблемы в его предыдущей биографии. Сергей рассказал Петру по большому секрету, что его подружка Зина беременна и они собираются пожениться. Их родители уже познакомились между собой и были не против. Вот теперь думают, как помочь молодым, чтобы жили отдельно и самостоятельно создавали свое семейное счастье.

Через неделю после возращения из армии Петр для себя твердо решил, что пойдет работать на шахту. Николай Никифорович по этому поводу ничего не сказал, дав понять сыну, что он взрослый человек и это его личное дело.

Глава 12. Ленька

Сосед Иван Кириллович, глава семейства Климчуков, уже больше двадцати лет отработал на шахте. Он был крепкого телосложения и обладал большой природной силой, что позволяло ему в действительности пахать и добиваться перевыполнения плана по добыче угля. Авторитет и уважение он заработал благодаря трудолюбию и ответственности к работе. В домашней обстановке Иван Кириллович, как и многие шахтеры, после рабского, изнурительного труда любил выпить и поспать. Благо дети уже подросли и помогали матери по хозяйству.

Супруга Ивана Кирилловича, Анастасия Николаевна, выросла сиротой, ни дня в жизни не ходила в школу, но, несмотря на безграмотность, воспитывала детей в строгости, следила за их учебой, прививала любовь к физическому труду, а лозина и отцовский ремень нередко ей в этом помогали.

Старшая из детей, дочь Наденька, уже закончила школу и училась в городском техникуме на бухгалтера. Старший из сыновей, Владимир, учился в десятом классе, а полученные по наследству здоровье и сила позволили ему выполнить первый взрослый разряд по штанге. Николай, как и старший брат, пытался заниматься спортом, но больше тяготел к железкам: любил ковыряться со своим мопедом, постоянно его то разбирал, то собирал.

Самым младшим из детей был Леонид, или, как тогда его называли, Ленечка. Он отличался от своих братьев и сестер тем, что с малых лет был отъявленным сорванцом. Одним из любимых занятий Леньки было полазить по чужим огородам. В особенности он предпочитал сад дяди Вани, бывшего агронома, который жил на углу улицы и выращивал яблони. А поскольку в сибирских краях яблоки были в диковинку, Ленька старался быть первым «собирателем» урожая. И ничто не могло его в этом деле остановить. Садовод дядя Ваня специально для охраны вырастил немецкую овчарку, но Ленька не терял времени даром: больше месяца он таскал из дома колбасу и подкармливал злую собаку. А когда пришло время и сад закрасовался обилием спелых плодов, Ленька вместе с приятелем набили полные карманы нарезанной колбасой и, убедившись, что хозяев нет дома, махнули через забор. Породистый немецкий пес был тут как тут, но колбаса сыграла свою роль. Пока собака проглатывала очередной кусок колбасы, ребята успевали сделать два-три шага к намеченной, самой большой яблоне. И вот, когда друзья-товарищи уже залезли на дерево, пес злобно зарычал. Предвкушая огромное блаженство от того, как они набьют свои животы спелыми яблоками, ребята стали неэкономно бросать колбасу хвостатому сторожу. Наевшись досыта, пацаны связали узлом свои рубашки, быстро наполнили их спелыми яблоками и тут обнаружили, что от запасов колбасы осталось четыре маленьких кусочка. Они специально стали бросать их

подальше, чтобы отвлечь пса. Когда хулиганы уже перебросили свои рубашки через забор и преодолевали последнее препятствие, обманутый пес успел лапой разодрать Леньке штаны и поцарапать до крови мягкое место, а башмак приятеля так и остался в пасти овчарки, что в дальнейшем помогло хозяину вычислить воришек. Наказание было очень суровым. Помимо того что мальчишек дома отлупили лозинами, дядя Ваня собрал местную детвору, вынес два ведра яблок и всех угостил, а еще дал свой велосипед и разрешил дотемна кататься. При этом он строго сказал:

– Чтобы я этих воришек и близко не видел.

К учебе Ленька относился очень плохо и, кое-как закончив восемь классов, поступил в ремесленное училище на токаря. Может, если бы родители были более грамотными, они смогли бы определить у сына какие-то таланты и дать им возможность развиться. Но Ленька рос, как полынь в огороде, и улица была его вторым домом.

Глава 13. Новая работа и первая любовь

Петр стоял у проходной шахты «Северная».

– Вы по какому вопросу и к кому, молодой человек? – вежливо спросил вахтер.

– Я в отдел кадров, хочу устроиться на работу, – ответил Петр.

Пройдя через арку, Петр вышел на красивую парковую аллею. Вдоль асфальтированной дорожки по обе стороны тянулись скамейки, между которыми из-под снега виднелись клумбы. Можно было себе представить, как здесь красиво летом! Аллея упиралась в памятник шахтеру, который был изображен в движении, в каске на голове, а на правом плече держал большое кайло. Зайдя в управление, большое трехэтажное здание из красного кирпича, Петр у первого встречного спросил, как попасть в отдел кадров. Найдя нужный кабинет, постучал в дверь. Секретарша оторвалась от чтения каких-то документов:

– Вы кто и по какому вопросу?

Петр представился и изложил цель своего визита. Зинаида Федоровна, так звали секретаршу, предложила присесть, а сама зашла в кабинет начальника. Вернувшись через минуту, она обратилась к Петру:

– Можете зайти, Владимир Ильич ждет.

Петр зашел в кабинет и увидел за столом пожилого человека, который поднялся и протянул руку:

– Ну, проходите, молодой человек. Давайте знакомиться. Я Владимир Ильич, начальник отдела кадров. Присаживайтесь и рассказывайте о себе.

Петр также представился и, усевшись на стул, за пять минут рассказал свою пока еще короткую биографию, а также о желании стать шахтером. Диалог продолжался минут пятнадцать. Владимир Ильич интересовался о семье Петра и его личной жизни. В итоге начальник отдела кадров поднялся из-за стола, пожал Петру руку и сказал:

– Вот что, спортсмен! Мне думается, ты станешь настоящим шахтером. Такое у меня первое впечатление. Самое главное – не бойся трудностей. Будешь работать с полной самоотдачей – завоюешь почет и уважение. Да и вообще, в шахтерском коллективе не место тунеядцам и лентяям, их шахта сразу же вычисляет, а в любой шахтерской бригаде от работы каждого человека зависит выполнение плана, соответственно, и зарплата, и премиальные, и различные почести при подведении итогов. Все достигается только путем слаженной работы всей бригады. А сейчас иди к Зинаиде Федоровне, она даст тебе направление на недельные шахтерские курсы. Отучишься, придешь опять ко мне, оформим тебя на три месяца стажером, а там видно будет. Все от тебя зависит.

После шахты Петр направился в городской Дворец спорта «Сибирь». В приемной никого не было. Постучав в дверь ди-

ректора и приоткрыв ее, Петр поздоровался и попросил разрешения войти. Александр Иванович Бойко удивленно посмотрел на посетителя, но тут же воскликнул:

– Петр, ты, что ли?! А ну дай я тебя обниму! Когда демобилизовался-то? – стоя посреди кабинета, Александр Иванович похлопывал Петра по плечу и продолжал восхищаться: – А возмужал-то как! Боксом была в армии возможность заниматься? Так, ты давай на стул присаживайся и все по порядку рассказывай.

За полчаса беседы Петр поведал Александру Ивановичу обо всем наиболее важном, что произошло с ним за три года службы в армии. А сам узнал от директора о спортивных достижениях воспитанников и изменениях во Дворце спорта. Прощаясь, Петр пообещал непременно возобновить тренировки и попросил передать привет знакомым ребятам и тренеру Павлу Юрьевичу. Александр Иванович проводил Петра до дверей приемной и, крепко пожимая руку, сказал:

– Не смею тебя задерживать. Понимаю, что после службы и отдохнуть хочется, и с работой нужно определиться. Но, самое главное, знай, что двери нашего Дворца спорта «Сибирь» для тебя всегда открыты. Так что решай вопросы, обустраивайся в своей новой, взрослой жизни – и приходи.

Приехав после обеда на рейсовом автобусе в свой поселок, Петр вышел на остановке и направился в магазин, где встретил соседа Ивана Кирилловича. Они вместе шли по улице домой.

– Спасибо вам, Иван Кириллович, что вы мне про шахтерский труд столько рассказали. Я сегодня на вашей шахте был, в отделе кадров, по поводу устройства на работу, а с завтрашнего дня буду ездить на курсы специальной подготовки.

Иван Кириллович, немного помолчав, ответил:

– Ну и молодец, что решился. Да, работа тяжелая, но ничего, привыкнешь, втянешься. Зато деньги хорошие платят. Самое главное, запомни: когда будешь работать, если хочешь дожить до пенсии, не рискуй никогда жизнью. Ты потом сам увидишь, как шахтеры при каких-то авариях или поломках, чтобы не терять времени, ради выполнения плана полностью игнорируют правила безопасности и погибают или калеками остаются. А их семьям после этого каково! Шахта – она сама по себе может столько страшных сюрпризов преподнести, что целые не то что бригады, смены погибают.

Иван Кириллович замолчал. Петр спросил:

– Дядя Ваня, а что за сюрпризы вы имеете в виду? Расскажите, пожалуйста.

Иван Кириллович посмотрел на Петра и ответил:

– Мы с тобой за разговорами уже и домой дошли. Ты отдай старикам продукты да от меня привет передай и приходи ко мне. Мы с тобой лучше в тепле, за чаем еще поговорим. Придешь?

– Да, Иван Кириллович! Пять минут – и я у вас.

Петр быстро забежал домой, а уже через несколько минут

стоял на крыльце соседского дома и стучался в дверь. Ему открыла хозяйка семейства Климчуков – Анастасия Николаевна.

– Петр? Добрый день! – удивленно поздоровалась женщина.

– Здравствуйте, Анастасия Николаевна! Я к Ивану Кирилловичу. Мы договаривались о встрече, – ответил Петр.

Иван Кириллович с гостем уселись за кухонным столом и начали пить чай с малиновым вареньем. На столе стояло большое блюдо с горой свежеиспеченных пирожков.

– Я, Иван Кириллович, от вас родителям привет передал, а они просили передать вам и всему вашему семейству наилучшие пожелания. А теперь, пожалуйста, расскажите, что за шахтерские сюрпризы вы имели в виду, когда мы шли по улице. И вообще хотелось бы побольше узнать обо всех хитростях и опасностях специальности, которую я выбрал. Пожалуйста, дядя Ваня, поделитесь опытом, – попросил Петр.

Иван Кириллович, немного задумавшись, начал говорить:

– Во-первых, спасибо за привет от родителей. А во-вторых, вот что я тебе скажу, Петр. Ты выбрал очень тяжелую и опасную специальность, в которой на первом месте стоит физический труд. И, если нет в человеке выносливости или по своей натуре он лентяй, то ему здесь не место. Многие из таких устраивались на работу, но через несколько дней уходили, не выдерживали в полном смысле этого слова рабского труда. Ты, Петр, спрашиваешь о хитростях работы, об

опасностях и сюрпризах шахты. Так их очень много. Сама по себе шахта – это как подземное дерево, которое может уходить в глубину до пятисот метров, а может и до одного километра. Вся работа начинается с геологов. Они находят подземный пласт угля и исследуют его путем бурения множества шурфов. Это как глубокие колодца, которые в дальнейшем служат вентиляционными шахтами. Но, как бы геологи ни старались, каждый метр подземки не исследуешь. Вот представь, Петр: работает бригада шахтеров и натыкается на скопление газа метана в какой-нибудь расщелине. Это моментальный очень сильный взрыв. А если специальная вентиляционная служба плохо поработала, то собирается много угольной пыли, которая также моментально детонирует, вспыхивает, как елка. Вот и думай: сможет человек в таком огненном аду выжить? Бывает, шахтеры натыкаются на подземное озеро. Это небольшая пещера, полностью залитая водой, которая собирается в таком месте не одну сотню лет. А пространство-то замкнутое, вот и создается такое сильное давление, что может метровую каменную стену вмиг разрушить, – и летит вода, сметая все на своем пути, а для шахтеров в такой ситуации спасения нет. Ты, Петр, сейчас от меня наслушаешься страстей и передумаешь с работой. Да, шахтерский труд опасен и труден, но это смотря как к этому вопросу подойти. Многое зависит от человека: как он относится к своим обязанностям, как соблюдает правила техники безопасности, в каком состоянии приходит на работу.

Даже если с женой поругался, понервничал, не выспался, а утром рано вставать, как можно на следующий день плодотворно трудиться? А за пьянку я вообще ничего говорить не буду – сам все понимаешь. Я считаю так: пришел на шахту, все проблемы в личной жизни, какие-то нерешенные житейские вопросы – все должен забыть, пока находишься на работе, ведь несобранность и невнимательность могут привести к травмам и даже к смерти.

Почти после двух часов диалога Петр поблагодарил Ивана Кирилловича за интересную беседу и профессиональные шахтерские советы.

Петру повезло: после окончания шахтерских курсов он попал в одну из передовых бригад, возглавлял которую Смельчаков Иван. У тридцатипятилетнего бригадира крепкого телосложения характер и фамилия полностью соответствовали друг другу. Как позже уяснил для себя Петр, бригада в действительности была очень сплоченной – как духом, так и общим делом. А принцип «Один за всех и все за одного» являлся железным правилом для каждого, что в итоге отражалось на ежемесячном выполнении плана, а соответственно, и на заработной плате и весьма приличных премиальных. Свой первый рабочий месяц Петр запомнит на всю жизнь, так как это настоящее испытание для мужчины. Невозможно передать, что чувствует человек под землей, на большой глубине, а при этом еще нужно работать. И труд не из легких, изнурительный, тяжелый. После смены сил оста-

валось только на то, чтобы добраться домой, поужинать и лечь спать. Петр настолько уставал, что даже не верил, как можно к этому привыкнуть и как его напарники – мужики, некоторые намного старше его, после работы ехали в кафе, чтобы попить пива или чего-нибудь покрепче.

Все трудности, с которыми Петру пришлось столкнуться в первый месяц шахтерской деятельности, сгладились двадцать пятого декабря 1969 года. Петр получил в бухгалтерии талончик с расчетом его заработной платы за первый трудовой месяц и, когда прочитал цифру – четыреста двадцать рублей пятьдесят копеек, на несколько секунд обомлел. Он не ожидал, что так много заработает, будучи стажером. В то время средняя заработная плата в стране составляла сто – сто двадцать рублей. Люди меняли организации и специальности, если оклад на новом месте превышал тридцать рублей. Удивлению и радости Петра не было предела. Получив наличные деньги в кассе, Петр направился в расположение своей бригады, где под восторженные овации напарников получил от каждого поздравления в связи с первой шахтерской зарплатой. Было решено после общественного собрания всей бригадой отправиться в кафе «Калинка», чтобы отметить «прописку» Петра в новом коллективе, а заодно и стремительно приближающийся Новый, 1970 год.

Собрание, посвященное подведению итогов работы шахты «Северная» за 1969 год, продолжалось почти четыре часа с тридцатиминутным перерывом. Оказалось, предприя-

тие заняло третье место в Кемеровской области по добыче угля. В связи с этим присутствующий на собрании большой начальник из областного управления угольной промышленности вручил директору шахты вымпел, а затем попросил подняться на сцену бригаду Ивана Александровича Смельчакова. Когда его просьба была выполнена, подошел к трибуне и начал говорить:

– Уважаемые товарищи шахтеры, мне выпала большая честь присутствовать на вашем собрании! Позвольте от лица руководства области, а также управления угольной промышленности объявить, что по итогам 1969 года среди восьми шахт вашего города бригада коммуниста Смельчакова Ивана Александровича является победительницей стахановского движения «Даешь ударный, сверхплановый шахтерский труд!». Прошу всех присутствующих встать для вручения переходящего передового Красного знамени.

В это время специально приглашенный духовой оркестр заиграл Гимн Союза Советских Социалистических Республик. В конце зала появились три солдата, которые красивым шагом доставили знамя к трибуне, встали лицом к присутствующим и замерли по стойке смирно.

– Прошу садиться, – объявил областной чиновник. – Весь коллектив передовиков награждается почетными грамотами и значками «Ударник коммунистического труда», а также общей премией в размере двадцати тысяч рублей.

Зал взорвался оглушительными аплодисментами, и, толь-

ко когда они утихли, выступающий смог продолжить:

– За умелое руководство бригадой, за высокие трудовые показатели бригадиру Смельчакову Ивану Александровичу вручаются ключи от новенького автомобиля «Москвич».

Зал вновь взорвался продолжительными аплодисментами.

После окончания итогового собрания бригада Ивана Смельчакова в полном составе направилась в кафе «Калинка», где на втором этаже находился большой банкетный зал. С разрешения официантки сдвинули в один ряд три стола и заказали множество различной закуски, а также спиртное: водку, вино и пиво. Когда заказ был выполнен, бригадир начал говорить тост:

– Мужики, сердечно поздравляю вас с трудовым подвигом, который нам удалось всем вместе совершить. Мы как одно целое, как кулак, одна семья. Давайте дорожить нашим коллективом, помогать и, когда нужно, говорить друг другу прямо в глаза о недостатках. Также позвольте поздравить вас, ваши семьи и всех близких с наступающим Новым, 1970 годом! Здоровья, счастья, любви и новых трудовых побед!

Через час после начала вечеринки застолье шахтеров пополнилось посторонними людьми, как мужского, так и женского пола. Все прекрасно понимали, что у шахтеров имеется не только большой авторитет, но и карман, особенно в день зарплаты. Поэтому так называемые халявщики слетались как пчелы на мед, пользуясь добродушием и щедростью

выпивших мужиков, которые пахали в поте лица, подрывая свое здоровье, рискуя жизнью, и вот теперь отрывались по полной программе.

В то время также были люди, которые не умели правильно распоряжаться деньгами. И в шахтерской среде при столь высоких зарплатах были вечные должники, транжирившие свои кровные налево и направо или же просто-напросто пропивавшие их. В одной бригаде примерно с одинаковым рабочим шахтерским стажем один имел жилье, гараж, машину, дачу в лесу, а другой жил в общежитии, с частыми гульками, как говорится, по любому поводу.

Петр не пил спиртного, поэтому у него была возможность наблюдать за всеми и оценивать, кто как себя ведет, как на глазах меняется человек по мере выпитого алкоголя. Из четырнадцати человек бригады половина уже была в изрядно пьяном состоянии. Не обошлось и без эксцессов. Костя Вербин подошел к столику, где сидели два кавказца с девушками, и вежливо пригласил одну из них на танец, но та отказала. Тогда тридцатилетний детина Костя, возмущенный отказам, обозвал дам шалавами, за то что они сидят с нерусскими. Один из кавказцев попытался заступиться, но тут же получил сильный удар в челюсть, который свалил его на пол под звон разбивающейся посуды. Второй кавказец со всего маху ударил Костю по лицу. Разбитая губа закровоточила, что вызвало еще большую ярость Кости. Он схватил обидчика за грудки и с такой силой его швырнул, что тот, как ко-

тенок, полетел на пол. Ансамбль перестал играть. Администраторша потребовала немедленно прекратить драку. Шахтеры извинились за своего пьяного товарища, с лихвой оплатили разбившуюся посуду и увели Костю за стол. Усевшись на свои места, бригадир громогласно сказал:

– Ну все, друзья-товарищи, наливаем еще по одной рюмке, как говорится, на коня – и по домам, а то такими темпами и до проблем с милицией недалеко.

Домой Петр добрался уже в первом часу ночи. Отец не спал. Николай Никифорович сидел на кухне и подкидывал в печь дрова. – Чего так поздно, Петр?

– Да я, батя, со своей бригадой отдыхал. А вообще, если вы спать не хотите, да и у меня завтра выходной, давайте чайку попьем. Обо всем и расскажу.

Николай Никифорович с интересом выслушал сына и, когда Петр закончил, немного помолчав, сказал:

– Поздравляю тебя, Петруха, с первой шахтерской зарплатой и премиальными. Не каждый мужик способен одну тысячу четыреста рублей заработать. Ты теперь себе, самое главное, вещи теплые купи. Хватит уже по морозу в солдатской шинели шастать. Успехами вашей бригады я доволен. Вижу, коллектив подобрался боевой, и тебе, Петруха, повезло, что с такими ребятами вместе работаешь. Молодец, что на гулянке не выпивал. Поверь мне, ты в глазах своих новых товарищей себе только плюс заработал. Вообще, сынок, я считаю, что водку лучше пить в домашней обстановке, чтобы

потом лечь спать и не позориться на людях. Водка – она на каждого по-разному действует: одних тянет гулять на широкую ногу, других, наоборот, в люлю спать, но самое худшее – когда после пьянки петушиться начинают, без драки упокоиться не могут. Вот тут тебе и последствия какие хочешь: и милиция, и нож, и калечатся, а бывает, и смерть.

Отец с сыном не заметили, как пролетело почти два часа времени. Да и самовар остыл.

– Ну что, Петр, пойдем выйдем на пять минут на улицу. Перед сном полезно, а я заодно покурю.

Во дворе стояла полная тишина, лишь изредка поскрипывали деревья от тридцатиградусного мороза. Снег блестел и искрился в свете полной луны на звездном небе.

Уже лежа в постели, Петр задумался, что через два дня наступит Новый, 1970 год, начнется новое десятилетие. Что изменится в его жизни в новом году? Какие произойдут перемены? В голове Петра пролетало много как хороших, так и плохих мыслей. И вот, почувствовав, что уже засыпает, Петр шепотом попросил:

– Господи! Спаси и сохрани моих любимых, мамочку и папочку, моих братьев и сестру. Дай нам здоровья, долгих лет жизни и всего самого наилучшего!

* * *

…8 Марта, Международный женский день. Петр со сво-

ей бригадой вышли в первую смену на сверхурочные для перевыполнения плана. После окончания рабочего дня ребята решили немного посидеть в кафе, пропустить по маленькой в честь праздника, а затем ехать по домам к женам. Петр вежливо отказался, не объяснив причину. Просто достал пять рублей и сказал:

– Это мои откупные, выпьете за мое здоровье. Я действительно не могу с вами поехать, мужики. Извиняйте.

Никто не стал особо возмущаться. Все прекрасно понимали: дело-то молодое.

Ровно в семнадцать часов Петр стоял на ступеньках центрального кинотеатра города имени Островского. Буквально через десять минут он увидел, как к кинотеатру подходят две девушки, одну из которых он сразу же узнал. Это была его соседка Надюшенька.

– Здравствуйте! – вежливо поздоровался Петр.

– Здравствуй, Петр! – ответила Наденька и тут же добавила: – Вот, знакомьтесь, это моя однокурсница, к тому же двоюродная сестра Вера. А это Петр, мы с ним в одной деревне по соседству живем.

– Очень приятно! – ответил Петр и предложил девчатам выбирать, как лучше провести время: пойти в кино, поехать в Ледовый дворец спорта покататься на коньках или просто погулять по городу. Сестры сразу же выбрали кино: шла премьера комедии «Двенадцать стульев».

После фильма ребята шли по улице и смеялись, вспоми-

ная смешные моменты просмотренной картины.

– Ну вот, здесь я и живу, приглашаю на чай, – сказала Вера, указывая на дом, возле которого они остановились.

– Нет-нет, спасибо, нам нужно на последний автобус успеть, чтобы в родную деревню добраться, – ответил Петр.

Они с Наденькой поблагодарили Веру за приглашение, попрощались и направились на автостанцию.

Когда Вера ушла, Петр заметил, что Наденька немного смутилась. Он и сам волновался, так как давно мечтал провести с этой девушкой как можно больше времени вместе. Да они и раньше в поселке несколько раз после танцев вдвоем возвращались домой, но этого пятиминутного провожания не хватало, чтобы побольше поговорить друг с другом, побыть наедине.

Наденька нравилась Петру и до армии, но сейчас это было что-то большее, его тянуло к ней. Он часто вспоминал короткие встречи, происходившие между ними. Петр специально подружился с ее младшими братьями, Володей и Николаем, чтобы чаще бывать у них дома и, самое главное, видеть ее, Наденьку.

По дороге на автостанцию Петр рассказывал про свою работу, про бригаду, про новых друзей, которые появились у него на шахте.

– А боксом ты занимаешься, Петр, или уже забросил? – спросила Надя.

– Занимаюсь. Два раза в неделю бываю на тренировках.

Но, если честно, подумываю о завершении своей спортивной карьеры: очень тяжело совмещать работу на шахте и спорт, – признался Петр.

Несмотря на то что уже было девять часов вечера, людей на улице гуляло очень много. Встречались небольшие компании, которые под гармошку пели песни и танцевали. По дороге домой в автобусе Петр рассказывал Наденьке о службе в армии, а она ему о своей учебе в техникуме. За разговорами не заметили, как доехали до родной деревни. На остановке Петр первым выскочил из автобуса и подал Надежде руку. Они шли по улице и молчали. Им обоим было грустно из-за скорого расставания после такого хорошего вечера, который они провели вместе.

Уже подходя к дому, Наденька остановилась и спросила:

– Петр, скажи, пожалуйста, почему ты мне из армии ни одного письма не написал? Я очень ждала, очень.

Петр, немного смутившись от вопроса, ответил:

– Знаешь, Надюшенька, я много раз хотел сесть и написать тебе. Но, скажу честно, не знал, о чем писать. А еще не хотел обременять тебя дополнительной ответственностью передо мной и решил: вернусь из армии, там видно будет, какие у нас сложатся отношения. Я просто не хотел торопить события раньше времени.

Петр достал из внутреннего кармана пиджака платочек, развернул его и сказал:

– Узнаешь? Это тот самый, и он со мной всегда, с того дня,

как ты мне его передала через сестру Веру перед уходом в армию. Я его бережно храню. Этот платочек помогал мне не один раз, когда на службе возникали различные трудности.

Наденька опустила голову, и Петр увидел, как по ее розовой от мороза щечке пробежала слезинка.

Прекрасны мгновения жизни, когда мы чувствуем себя по-настоящему счастливыми! Когда мы готовы как птицы взмыть в небо и парить над землей, давая волю своим чувствам и эмоциям. А сердце бьется все сильнее и сильнее, словно пытается вырваться из груди и унестись навстречу самому святому, что есть на белом свете, – любви!

Петр нежно обнял Наденьку и поцеловал ее. Они еще несколько минут молча стояли, прижавшись друг к другу. Зачем слова? Они и так понимали, что никто и ничто не сможет их теперь разлучить. Они были счастливы! Чувства молодых людей слились в одно целое. Может, это и есть рождение любви?

Часть 2. Семья и работа превыше всего

Глава 1. Свадьба

Теперь в жизни Петра многое изменилось. Все свое свободное время после работы, если не нужно было помогать родителям по хозяйству, он проводил с Наденькой. А если она была занята домашними делами или уроками, играл во дворе с ее братьями, беседовал с Иваном Кирилловичем, который с уважением относился к Петру за добросовестный труд на шахте и нисколько не был против того, что его старшая дочь дружит с таким серьезным соседским парнем.

Молодые люди любили ходить в гости к Наденькиной бабушке по отцовской линии, Полине Карповне. Эта шестидесятивосьмилетняя женщина была очень простым и добродушным человеком. Особенностью ее характера была прямота. При каждой встрече она говорила влюбленным:

– Поверьте моему жизненному опыту: вы созданы друг для друга. Все у вас будет хорошо: и счастье, и дети, а самое главное – любовь на всю жизнь.

Полина Карповна родилась на Украине, под городом Ковелем, в простой крестьянской семье. Она была старшей сре-

ди двенадцати своих братьев и сестер. Когда девочке исполнилось пятнадцать лет, в семье случилось горе: умерла мама. Отец, не выдержав утраты любимой жены, сильно заболел и через два года тоже умер. Вот и пришлось Полине в семнадцать лет стать и папой, и мамой. Жили очень тяжело, хорошо добрые люди помогали. Только через три-четыре года, когда старшие братья пошли работать, стало немного легче. Вот и засиделась Полина в девках, так как на личную жизнь времени не было. Замуж вышла по большой любви почти в тридцать лет за военного летчика. Родился первенец, сын Иван. А когда в мае 1941 года родилась дочь Мария, семейному счастью оставалось длиться всего месяц. Причина – начавшаяся 22 июня 1941 года Великая Отечественная война. Одно из самых страшных испытаний в жизни Полины произошло зимой 1942 года, когда она увидела из окна входящего в ворота молодого офицера. Сердце в тот момент то сжималось, то бешено стучало. Получив похоронку и орден Красной Звезды посмертно, она долго стояла на морозе и смотрела в небо. Нет, она не плакала. Сознание не могло воспринять эту ужасную новость. Обращаясь к Богу, шептала:

– Господи, этого не может быть. Умоляю тебя, Всевышний, верни моего любимого. В любом состоянии. Умоляю, верни.

И чудо случилось. Через месяц после Победы, в июне 1945 года, Полина занималась на кухне своими делами, как

услышала знакомый голос:

– Хозяйка, домой впустишь?

Она остолбенела на несколько секунд, но выросшие крылья вынесли ее на улицу. Полина со слезами, поцелуями и объятиями бросилась на шею своему «воскресшему» мужу. Он рассказал, что был сбит фашистами под Сталинградом и находился в плену в германском концлагере, пока их не освободила победоносная Красная армия.

Петр и Надежда с большим интересом слушали рассказы Полины Карповны о трудностях прошлой жизни. Но больше их впечатлили такие слова Полины Карповны:

– Я прожила счастливую жизнь. Вот если бы не война… Так что вы, ребята, просто обязаны быть счастливыми. Любите и берегите друг друга, женитесь, рожайте детей! Ради чего же тогда на долю предыдущих поколений выпало столько испытаний?!

На дворе стоял апрель. Казалось бы, середина весны, но в Сибири в это время года зима еще не собирается сдавать своих полномочий. Морозы уже не такие крепкие, но снега так же много. В это время люди уже устали от суровых холодов и с нетерпением ждут тепла, настоящей весны, с журчащими под солнцем ручейками и звенящей капелью.

Петр и Надежда в этот субботний выходной день приехали в ледовый Дворец спорта «Снежинка» покататься на коньках. Звучала веселая музыка, каток переливался от разноцветных прожекторов.

– Петр, лови меня! – крикнула Наденька, оттолкнулась от бортика и начала набирать скорость коньковым шагом. Он поймал ее в свои объятия в центре катка и нежно сказал:

– Моя ты любимая фигуристка… А у меня к тебе есть вопрос.

– Задавай, – ответила Наденька.

Петр улыбнулся, поцеловал Надежду в щечку и произнес самые трогательные слова, которые исходили из самого сердца:

– Любимая, ты выйдешь за меня замуж?

Она еще сильнее прижалась к Петру и не раздумывая ответила:

– Да! Мне никто другой, кроме тебя, Петечка, не нужен. Я тебя люблю с самого детства и так долго этого ждала! Я согласна. Я хочу быть твоей женой на всю жизнь!

Счастливые, они, взявшись за руки, словно парили по льду. Казалось, началась новая жизнь, озаренная большой и светлой любовью!

Вечером Петр обратился к отцу:

– Батя, мне нужно с вами поговорить.

– Ты же знаешь, Петр, я всегда готов тебя выслушать, – ответил Николай Никифорович.

Отец с сыном отправились в летнюю кухню, где Николай Никифорович мог курить свои папиросы «Беломорканал». Петр, усевшись напротив отца, рассказал ему, что сегодня сделал предложение соседской Наденьке. Николай Никифо-

рович восторженно воспринял новость и сказал сыну следующее:

– Петр, каждый человек по разным вопросам имеет свое, личное мнение. В особенности в делах любовных. Здесь не может быть советчиков, так как сердцу не прикажешь. Я тебе вот так скажу: по мне, ты хоть на козе женись, если любишь. Но знаю точно: брак не детская забава, а дело очень серьезное, выбор, который должен делаться один раз и на всю жизнь. Конечно, в наше время все было по-другому. Отцы нам говорили, что в жены нужно брать обязательно девственницу, так как если новую рубашку порвать, то потом как ни зашивай, ни старайся, цена другая будет, намного дешевле.

Тут, Петруха, еще одна хитрость кроется. А заключается она в том, что в каждой женщине с малолетства заложен материнский инстинкт. Когда приходит время девке выходить замуж, она может сказать своему избраннику, что любит его, но детей рожать не хочет. Это ненастоящая любовь. Значит, тут другие цели или лишь бы от родителей сбежать. По моему мнению, семья без детей не семья, а эгоистическая, развратная жизнь в свое удовольствие. Вообще плодами настоящей любви являются детки. Тогда и семья становится полноценной, и в доме царят радость, веселье и счастье.

Петр, извинившись, что перебивает, сказал:

– Батя, мы с Наденькой очень о многом говорим, мечтаем, планируем. Мы любим друг друга и хотим иметь своих

детей.

Николай Никифорович прикурил новую папиросу и спросил:

– Так, это нужно теперь и по жилью что-то думать. Где вы собираетесь жить? Или у кого из родителей?

– А нас Полина Карповна, Наденькина бабушка, к себе жить зовет, – тут же ответил Петр. – У нее две комнаты пустуют, еще после Ивана Кирилловича, да к тому же вход с отдельным крылечком. Я проверил, печка хорошая. А вообще ремонт небольшой нужен и на кухне, и в спальне. Но ничего страшного. Это мы сделаем. Для себя же гнездышко будем в порядок приводить.

Николай Никифорович похлопал сына по плечу:

– Молодец ты у меня, Петька, хозяйственный! Скажу прямо: выбор я твой одобряю. Девка она хорошая, и на вид работящая, и поздоровается всегда. Дай Бог, чтобы вы были счастливы. А я завтра с утра пойду к Ивану Кирилловичу и Анастасии Николаевне, поговорим, когда удобнее к ним сватов засылать. Чего время тянуть? Вижу, у вас все по-серьезному.

Ночью Петру приснился очень хороший сон: он побывал в детстве. Приподнятое настроение заставило его быстро подняться с постели. Он подошел к окну, где на подоконнике сидел кот Василий и морщился от ярких лучей весеннего солнца. Поглаживая сибирского крысолова, Петр сказал:

– Ну что, Васька, скоро женюсь и уже не буду здесь жить.

Но ты не скучай. Сам понимаешь: дело-то серьезное, молодым нужно жить отдельно.

Когда Петруха вышел на улицу, настроение поднялось еще больше: талый снег и уже теплое солнышко свидетельствовали о начале настоящей весны и приближающемся лете.

Переступая порог дома с охапкой дров и ведром угля, мать сказала Петру:

– Сынок, как я рада за тебя! Отец взял бутыль самогона и пошел к соседям, к Климчукам, о сватовстве договариваться. Мне Наденька тоже очень нравится. Дай Боже, чтобы вы были счастливы! Давай, сынок, проходи на кухню, сейчас завтраком накормлю. Я и пирожков свежих напекла. Проходи, Петечка, садись за стол. Заодно и поговорим, а то как отец сказал, куда собрался идти, я места себе не нахожу и из рук все валится.

Отец вернулся после обеда и сообщил:

– Сватать договорились в следующую субботу. Так что, мать, поменьше лежи на печи, а готовь харчи.

Обратившись к сыну, добавил:

– Давай, Петруха, мы с тобой по этому поводу баньку затопим. Отхлещу тебя веничком как положено, а то потом не до бати будет: с молодой женой станешь париться.

В деревне любые новости разлетаются быстро. Неудивительно, что уже через два дня, когда Петр возвращался домой после работы на рейсовом автобусе, односельчане уже

поздравляли его с предстоящей свадьбой, и при этом каждый как бы в шутку напоминал, чтобы не забыли пригласить на свадьбу.

Петр понимал, что предстоит напоить всю деревню. Но его это не пугало, ведь за пять месяцев работы на шахте у него собралась приличная по тем временам сумма денег. И он сам, как настоящий мужчина, не обременяя родителей и близких родственников, сможет легко оплатить все предстоящие расходы.

Вечерами Петр и Наденька ходили к Полине Карповне и занимались ремонтом своего будущего жилища. А после работы бабушка Поля угощала молодых чаем с вареньем.

Неделя пролетела быстро, и вот пришла суббота, день сватовства. В десять часов утра Николай Никифорович перекрестился и сказал:

– Ну, ребята, пора идти. С Богом!

Братья, Григорий и Николай, крестный Петра – Захар Семенович со своим сыном – гармонистом Андрейкой отправились к соседям сватать Наденьку. Через два часа домой прибежал Николай и достал из погреба еще один баллон вина. Петр, шутя, спросил:

– Что, праздник в самом разгаре?

– Петруха, братуха, считай, дело сделано, осталось свадьбу сыграть да детей нарожать! – улыбаясь, ответил Николай и, взяв баллон, выбежал из дома.

Невзирая на то, что родители были еще молоды и всю

жизнь прожили по соседству, традиции есть традиции: сватовство на Руси уже много веков является неотъемлемой частью предсвадебного процесса. Все эти формальности, как правило, влюбленным и не нужны, они, наоборот, заставляют жениха и невесту лишний раз смущаться и краснеть перед своими предками.

Через два дня после сватовства, в понедельник, Петр и Надежда подали заявление в загс, а когда вернулись домой, сообщили своим близким дату регистрации. Свадьбу решено было сыграть во дворе дома жениха. При помощи односельчан начали сооружать большой деревянный крытый шифером на случай непогоды навес.

Петр, Николай Никифорович и Иван Кириллович примерно подсчитали, что смогут усадить за стол человек шестьдесят, но гостей на свадьбу могло прийти как минимум в два раза больше. Петр уже купил пять ящиков водки (в то время одна бутылка «Московской» стоила три рубля семь копеек). После целого часа беседы Петр сказал:

– Ну вот, кажется, все предусмотрели. Список почти на два листа получился. Если что и забыли, ничего страшного. Самое главное – будет чем людей кормить и поить.

Иван Кириллович обратился к Петру и Николаю Никифоровичу:

– Послушайте, мне в голову такая идея пришла: давайте, чтобы не создавать толкучку, если на свадьбе гостям места не хватит, мы и у нас столы накроем, для молодежи. Тем бо-

лее живем по соседству. А жених с невестой то со стариками посидят, то к друзьям своим за стол сходят.

– Оно и правильно. Мы свои песни запоем, молодежь скучать будет. А так пусть под свою современную музыку танцуют, – согласился Николай Никифорович.

Петр, как и отец, одобрил предложение Ивана Кирилловича.

Каждый человек помнит свою свадьбу всю жизнь, но неизменно забывается тот волнительный и полный суеты подготовительный период, когда и молодые, и родители готовятся к этому важному торжеству.

Хорошо, когда между будущими родственниками со стороны жениха и невесты царит полное взаимопонимание. Важно, чтобы свадьба прошла, как настоящий праздник, после которого начинается полная ответственности супружеская жизнь молодых людей.

В один из рабочих дней уже в раздевалке Петр обратился ко всей бригаде:

– Мужики, хочу сделать объявление. Приглашаю всех на свадьбу. Приходите с женами. Мы с моей Наденькой будем очень рады!

На Петра посыпались поздравления и рукопожатия, а бригадир, Иван Смельчаков, улыбаясь, сказал:

– Ну вот, теперь в нашей бригаде холостяков не будет, одни женатики.

Свадьба у Петра и Надежды проходила в конце мая. Сто-

яла прекрасная, по-настоящему весенняя, теплая погода.

Субботним утром Петр и его дружок Сергей Смирнов уселись в наряженный разноцветными лентами «Москвич» Смельчакова Ивана. Они за одну минуту подъехали к дому невесты. Как только жених вышел из автомобиля, ему тут же перегородили дорогу. От множества собравшихся людей стоял сильный шум. На помощь Петру вовремя подоспела его бригада. Небольшой физический натиск молодых и здоровых шахтеров позволил добраться до ворот, перед которыми стояли нарядно одетые сестренка невесты Галочка и три ее брата. Петр подошел к двенадцатилетней девочке и вежливо спросил:

– Галинушка, пропусти меня к невесте Наденьке, – и протянул ей шоколадку.

Девочка с радостью взяла подарок и отбежала в сторону. Присутствующие рассмеялись. Петр пообещал самому младшему, Леньке, свои солдатские значки, и тот отступил.

– А ты чего хочешь, Николай? – обратился жених к среднему из братьев.

– Солдатский ремень и деньги, – ответил четырнадцатилетний бутуз.

Получив от Петра пять рублей и заверения насчет ремня, и он уступил дорогу. Шестнадцатилетний Владимир потребовал за свою сестру Наденьку сто рублей, но под натиском гостей со стороны жениха довольствовался десятью.

Жених с гостями зашли в дом, где в прихожей Петр уви-

дел свою невесту. В красивом свадебном платье она была прекрасна! Петр почувствовал, как заволновался, как участилось сердцебиение. Он испытывал огромное счастье, осознавая, что эта прекрасная во всех отношениях девушка – его будущая жена, с которой ему предстоит прожить всю жизнь. Родители невесты стояли возле дочери. Иван Кириллович подошел к столу и начал разливать водку по рюмкам, а затем обратился к гостям:

– Ну что, гости дорогие, давайте выпьем на дорожку! Сейчас должен автобус подойти. Кто хочет, может поехать в загс.

Анастасия Николаевна с повлажневшими от слез глазами подняла рюмку водки и обратилась к жениху:

– Петр, сынок, мы с отцом отдаем тебе в жены нашу старшую доченьку. Дай нам слово, что никогда не обидишь ее, не поднимешь руки, а будешь любить, ценить и беречь всю жизнь, чтобы и я, и Иван Кириллович всегда могли сказать: нам достался самый лучший зять, мы спокойны за нашу Наденьку, так как ее муж – настоящий мужчина!

– Уважаемые Иван Кириллович, Анастасия Николаевна, я очень сильно люблю вашу дочь и счастлив, что она будет моей женой. Даю вам слово никогда не обижать ее и хочу попросить вашего родительского благословения, за что буду благодарен вам всю жизнь.

После регистрации и возвращения из загса, как и планировалось, молодежь гуляла дома у Климчуков, а родители и остальные гости – во дворе Петра под навесом. Все два дня,

в субботу и воскресенье, гости расходились уже после полуночи. Самые стойкие мужики оставались до рассвета. Уже не следя за количеством выпитого спиртного, они продолжали бороться с зеленым змием. А когда «змий» побеждал, засыпали прямо за столом.

Подарков Петру и Надежде надарили очень много: и постельное белье, и посуда, одних полотенец пятнадцать штук. Больше всего на гостей произвело впечатление, когда брат Петра Григорий, который был тамадой, подошел к Ивану Смельчакову и спросил:

– Так, а что же приготовили в подарок напарники нашего жениха?

Бригадир поднялся с места, ему тут же вручили рюмку водки, и он начал говорить:

– Дорогие наши Петр и Надежда, позвольте мне от лица всей бригады поздравить вас с этим величайшим событием: бракосочетанием! Все присутствующие сегодня стали свидетелями рождения новой семьи. Это прекрасно, когда двое молодых людей находят друг друга, влюбляются и женятся! Я хочу пожелать вам мудрости, чтобы вы смогли сохранить огонь любви на всю жизнь! Пусть каждый из вас бережет и ценит семейный очаг, в котором будет слышен радостный смех ваших детишек! Я считаю, это и есть вершина любви и ее самая большая награда – семейное счастье! Надежда, тебе достался отличный парень. За те месяцы, что Петр проработал в нашей бригаде, он проявил себя настоя-

щим мужчиной как в отношении к работе, так и во взаимоотношениях с товарищами. Для меня выражением, определяющим настоящего мужчину, являются слова: «С этим человеком можно идти в разведку». Так вот, с Петром я бы пошел. Надежда, люби и почитай своего мужа, который, несмотря на молодые годы, имеет настоящий мужской характер и, самое главное, правильные взгляды на жизнь. Петр, ты взял в жены прекрасную девушку. Запомни, быть главой семейства – огромная ответственность. Ты теперь кормилец и защитник для Надежды и ваших будущих детей. Я бы хотел, чтобы о тебе в дальнейшем люди говорили так: «Петр – хороший семьянин. Надежде повезло!». Желаю вам счастья и побольше детишек! Любите друг друга! Вместе радуйтесь и вместе преодолевайте трудности. Не забывайте, берегите ваших родителей. Ребята, в добрый совместный путь длиною в жизнь! Мы всей бригадой думали о подарке и решили: вы сами разберетесь, что купить в первую очередь. Так что примите тысячу рублей.

В этот момент многие гости ахнули и захлопали в ладоши. После того как все успокоились, Иван Смельчаков добавил:

– Петр, чтобы мы тебя на работе десять дней не видели. Это решение всей бригады. Считай, что ты, так сказать, в медовом отпуске!

Бригадир выпил полную рюмку водки и громко сказал:

– Ох и горько!

Его тут же поддержали:

– Горько! Горько! Горько!

Народ на Руси всегда любил погулять на свадьбе. Многие традиции с брачного торжества остались у нас неизменными с давних времен.

За два дня застолья жених и невеста устают от чрезмерного внимания в свой адрес. Приходится с уважением относиться ко всем гостям и слушать каждого, кто решил поздравить или дать жизненные советы, несмотря на то что уже находится в изрядном подпитии. Свадьба – первое испытание молодых супругов по совместному преодолению трудностей, первый их шаг к созданию настоящей, крепкой семьи.

После свадьбы Петр и Надежда сразу же переехали жить к Полине Карповне, которая выделила им вторую половину своего домика, с отдельным входом. Несмотря на то что семейное гнездышко состояло из маленького крылечка, кухоньки и спальни, молодые супруги были безраздельно благодарны бабушке, за то что могут жить отдельно от родителей.

Зажили Петр с Надеждой душа в душу. Казалось, они самые счастливые на всем белом свете, и нет такой силы, которая смогла бы их не то что разлучить, а даже просто заставить поссориться. В выходные дни они ездили в кино, иногда в городской парк на танцы. Уже наступило лето, Наденька готовилась к сдаче экзаменов за второй курс техникума, поэтому теперь в свободное время они ходили на карьеры, где можно было искупаться и позагорать, совмещая прият-

ное с полезным: Надежда занималась учебой, а Петр читал художественную литературу.

Когда создается молодая семья, очень важно, чтобы у обоих супругов были общие взгляды на жизнь, а если возникают какие-то разногласия, нужно сразу же приходить к взаимопониманию, уметь, когда нужно, уступить, ни в коем случае не проявлять настырства и не гнуть свою линию. У Петра и Надежды проблем во взаимоотношениях не было. Молодые могли часами беседовать о предстоящей жизни, мечтать. Они не предавались иллюзиям, а пытались что-то планировать, ставить перед собой какие-то задачи и цели. Например, было решено ежемесячно откладывать деньги на покупку автомобиля.

Как всегда, за ужином Петр нежно поцеловал супругу и сказал:

– Спасибо, моя любимая, очень вкусно все приготовила!

– Пожалуйста, мой любимый. Я буду учиться готовить еще лучше. Ты у меня всегда будешь хорошо есть. Я еще в родительском доме привыкла готовить помногу для отца и младших братьев, потому что хороший аппетит способствует хорошему здоровью. Тем более ты у меня, Петечка, и шахтер, и спортсмен. Как можно такого мужчину плохо кормить!

Шел июль 1970 года, самая середина лета. Петр проснулся ранним воскресным утром. Он потихоньку поднялся с постели и, стараясь не разбудить возлюбленную, вышел во двор, чтобы заняться ремонтом сарая для заготовки угля и дров

на зиму. Примерно через час он услышал, как его позвала Надежда:

– Петр, что же ты меня не разбудил и без завтрака пошел работать?

Обернувшись, он увидел, как навстречу ему по тропинке идет настоящая богиня. Распущенные каштановые волосы переливались в лучах яркого солнца, а облегающий белый сарафан подчеркивал красоту и стать его прелестной Наденьки. Он нежно обнял, поцеловал возлюбленную и прошептал ей на ушко:

– Я хотел, чтобы ты, мое солнышко, побольше поспала в выходной день, и поэтому не стал тебя будить.

– Петечка, мой ты золотой! Больше, пожалуйста, так не делай. Я могла встать, покормить тебя и, если бы захотела, еще поспала. А так неловко себя чувствую. Обещаешь исправиться? – спросила Надежда.

– Обещаю, обещаю, обещаю! – улыбаясь, ответил Петр.

– Любимый, через десять минут жду тебя на завтрак, – Надежда поцеловала мужа и направилась в сторону дома.

После завтрака они вышли на улицу, присели на крылечко. Петр заметил, что Надежда немного смущается, и поэтому спросил:

– Дорогая, что-то ты сегодня немного загадочная. Ну-ка, быстро говори мне, что случилось?

Наденька прижалась к мужу, положила голову ему на плечо и еще больше засмущалась.

– Говори, говори… – настаивал Петр.

– Петечка, любимый, я вчера с Полиной Карповной советовалась, и она говорит, что я беременная. Вот.

Петр почувствовал, как забилось его сердце. Совершенно счастливый, он расцеловал Наденьку, а она, увидев его реакцию, заплакала и еще крепче прижалась к мужу.

Насколько прекрасны и чудесны отдельные моменты в жизни, которые дарит любовь, может сказать только тот человек, кто по-настоящему любил и был любимым! Бескрайний океан восторженных эмоций испытывают влюбленные, когда их сердца бьются в такт и они ни одной минуты не могут прожить друг без друга. Спасибо Богу, что он, создавая человека, вложил в его сердце это великое чувство – умение любить, дав нам возможность делать свою жизнь по-настоящему счастливой!

Еще с большей любовью и заботой Петр стал относиться к своей Наденьке. Он не разрешал ей поднимать ничего тяжелого и старался во всем помогать.

В начале октября выпал первый снег. Когда Петр работал в первую смену, он вставал в пять часов утра. Чистил печку, выносил золу и делал новую заготовку из дров и бумаги, чтобы, когда Наденька проснется, ей оставалось только чиркнуть спичкой. После работы он забегал в магазин, покупал продукты и торопился домой, чтобы узнать, как чувствует себя его любимая. Перед сном Петр гладил увеличившийся живот Надежды и по нескольку минут беседовал со своим

будущим сыном, так как Полина Карповна сказала, что сто процентов родится мужик.

Глава 2. Новоселье

Петр бережно прижимал к груди свое сокровище. Двадцатидвухлетний парень шагал по хрустящему от мороза снегу, держа в руках младенца – своего сына. Ясный февральский день способствовал хорошему настроению и огромному счастью, которое отражалось на его лице, уже закаленного жизнью мужчины. Иван Кириллович не смог на своем мотоцикле «Урал» из-за снега доехать до рабочего поселка, поэтому технику пришлось оставить на лесоскладе в шахте, а самим примерно два километра добираться пешком. Весь поселок состоял из одной длинной и кривой улицы, которая начиналась одноэтажным бараком. Первая его половина была занята магазином, а во второй находилась почта.

Снега в том далеком 1971 году выпало очень много, под самые крыши, которые дымили своими трубами, давая понять, что тепло зимой – это жизнь.

Как только Наденька открыла калитку, чтобы пропустить мужа с новорожденным ребенком, дверь дома отворилась и навстречу вышли Анастасия Николаевна с Полиной Карповной. Они подбежали к Петру. Анастасия Николаевна радостно воскликнула:

– Наконец-то прибыли! А мы волновались: дороги-то все замело.

Когда зашли в дом, Полина Карповна с радостью объявила

молодым:

– Ну вот вы и дома, дорогие мои детки. Слава Богу!

Вот так и началась полноценная семейная жизнь двух любящих друг друга молодых людей, с рожденным по любви ребенком, который стал их смыслом жизни. А ради чего еще стоит жить на свете?!

Петр назвал сына Александром, в честь великого русского князя Александра Невского. Да и родился малыш крепким: четыре килограмма четыреста граммов и пятьдесят четыре сантиметра ростом. Петр любил сидеть возле кроватки младенца, наблюдать, как он спит, размышляя о том, кем станет этот человечек, как сложится его жизнь, будет ли он счастливым. Как и любой родитель, Петр желал своему сыну только добра, чтобы он вырос полноценным человеком и настоящим, с большой буквы Мужчиной.

После рождения ребенка отношения между Петром и Надеждой стали еще теплее. Они вместе заботились о малыше, купали его, играли, каждый месяц записывали вес и рост своего Сашечки. Радовались, когда ребенок учился делать что-то новое, например, следил глазками за погремушкой или переворачивался на живот и держал головку. Все новшества сына воспринимались Петром и Надеждой с большой радостью и любовью. Они восхищались своим сокровищем, сыночком Сашечкой. Когда малышу исполнилось четыре месяца, он сильно заболел. Надежда вместе с ребенком легла в больницу. Петр не находил себе места. Он каждый день на-

вещал Наденьку, которая плакала, сидя с мужем на кушетке, так как врачи поместили малыша в специальную кислородную колбу в реанимационном отделении и состояние его здоровья не улучшалось. Петр поддерживал и успокаивал супругу, но, как только выходил из больницы, на глаза наворачивались слезы. Он сжимал кулаки и чувствовал страшную безысходность и беспомощность, полное бессилие как-то исправить сложившееся положение. О, если бы он мог отдать свое сердце сыну! Петр сделал бы это, не задумываясь ни на секунду.

В один из дней Петр подходил к дому. Его встретила Полина Карповна:

– Рассказывай, как там малыш? Что врачи говорят?

– Все очень плохо. Доктора не могут точный диагноз поставить. Говорят, очень сильный воспалительный процесс. Организм ребенка может не справиться. Тетя Поля, он очень слабенький, ничего не ест.

Петр присел на скамейку и, не в силах сдерживать слезы, взялся руками за голову. Полина Карповна присела рядом, взяла его за руку и начала говорить:

– Петр, слушай меня внимательно. Мы сейчас должны быть сильными. Вся надежда только на Господа Бога, но оставлять ребенка умирать в больнице, я считаю, мы не имеем права. Поэтому будь готов: через час подъедут Иван Кириллович и Анастасия Николаевна. Отправляйтесь в больницу и срочно забирайте Надю с ребенком. Попробуем сами

выходить, пусть лучше дома будет. Все равно от врачей, я так понимаю, никакого толку нет. А там как Всевышнему угодно будет, станем молиться. Я вас буду ждать и приготовлю отвар из трав, чтобы компресс малышу сделать. Попробуем козьим молоком через пипеточку покормить, оно очень полезное.

Петр согласился с Полиной Карповной. Ему стало страшно, что может потерять сына из-за бездействия врачей. Лучше дома что-то делать. Тем более бабушка Поля многих людей вылечила от разных недугов своими травами. К ней и из соседних деревень, и из города лечиться приезжают.

Петр запрыгнул на заднее сиденье мотоцикла, поздоровался с тещей и тестем, и они помчались в больницу. Полина Карповна трижды перекрестила их на дорожку.

В начале восьмого вечера приехали в больницу. Петр и Анастасия Николаевна пошли в приемный покой, чтобы попросить дежурного врача вызвать Надежду.

– Я только после ужина. Сейчас попробую сыночка покормить, – сказала Наденька, увидев маму и мужа.

– Хорошо, хорошо, доченька, – ответила Анастасия Николаевна, взяла ее под руку, отвела в сторонку от дежурного, чтобы обсудить план побега из больницы.

Петр с тестем и тещей сидели в мотоцикле и ждали. Примерно через полчаса они увидели, как Надежда отодвинула занавеску и открыла окно. Петр и Иван Кириллович тут же спрыгнули с мотоцикла и подбежали к зданию. Петр аккуратно принял ребенка из рук жены, передал его тестю и по-

мог Надежде выбраться на улицу. – Он немного поел, сейчас спит, – сказала Надя, усаживаясь в люльку.

Мотоцикл тронулся с места и выехал из больничного двора.

Отправив родных домой, Петр пешком почти два часа добирался в свой поселок. На улице было уже темно. Возле дома он увидел, как родители Надежды садятся в мотоцикл и собираются уезжать.

– Ну что, как ребеночек? Как он себя чувствует? – спросил Петр.

– Не переживай, пока все хорошо, – ответила Анастасия Николаевна. – Полина Карповна настоем травяным натерла, а Санька, умничка, молочка козьего хорошо попил. А сейчас спит, весь румяный такой. Я завтра с утра Ивана Кирилловича на работу провожу и приду к вам. Все, мы поехали. До свидания.

Петр попрощался с родителями и пошел в дом. Они с Надеждой еще долго сидели возле кроватки сынишки, который сладко спал, тихо посапывая малюсеньким носиком.

– Наденька, ложись отдыхать. Я подежурю. Если что, сразу же тебя разбужу. Завтра выходной, так что могу и днем поспать. А ты, любимая, ложись, не переживай, – сказал Петр супруге… – Петя, Петя, просыпайся, вставай! – Петр услышал, как его будит жена. – Там, на улице, какие-то люди и милиция. Требуют Сашеньку вернуть в больницу. Ругаются. А за воровство ребенка хотят нас в тюрьму посадить.

Во дворе действительно находилось много незнакомых людей. К Петру сразу же подошел местный участковый, уже капитан милиции, Кашкин Андрей Ефимович.

– Да, не ожидал я, Петр, от вашего семейства такой выходки. Как же вы могли ребенка из больницы выкрасть? С рук это вам не сойдет, по закону будете отвечать, – угрожающе сказал участковый.

Петр тут же ответил капитану:

– Послушайте, Андрей Ефимович, а вы нам дадите письменные гарантии, что если мы вернем ребенка в больницу, то он не умрет? Да и вообще я сомневаюсь, есть ли такой закон, который обязывает ребенка принудительно в больнице держать. Мы с женой сами вправе решать, как своим сыном распоряжаться. Врачи сказали, что он безнадежен. Надежда только на Господа Бога. Вот мы и хотим быть рядом со своим малышом, раз врачи бессильны. – Значит, это и есть папаша.

Петр увидел пожилую незнакомую женщину с высокой прической на голове.

– Меня зовут Вера Сергеевна, я заведующая родильным отделением городской больницы. Вижу, вы не собираетесь возвращать ребенка в больницу. В таком случае вместе с женой напишите мне письменное объяснение, что всю ответственность за жизнь сына берете на себя и к врачам не имеете никаких претензий.

– Хорошо, – согласился Петр. – Мы все напишем, проходите, пожалуйста, в дом.

Получив от молодых родителей два объяснения, Вера Сергеевна попросила разрешения посмотреть на малыша. Сашенька лежал в кроватке и улыбался, разглядывая разноцветную погремушку.

Благодаря совместным усилиям и стараниям ребенок пошел на поправку. С каждым днем Сашенька становился все крепче и здоровее. Полина Карповна и Анастасия Николаевна днями находились у молодых, от чего было намного легче Наденьке: она могла отдохнуть после бессонных ночей.

В конце декабря на шахте, как обычно, проходило собрание, на котором подводились итоги за 1971 год. Бригада, в которой трудился Петр, вновь оказалась передовой. После чествования коллектива победителей директор шахты попросил у всех присутствующих минуту внимания:

– Уважаемые товарищи! Руководство шахты обратилось в городское управление угольной промышленности с просьбой о выделении жилья в новом, строящемся доме для нашего самого молодого коллеги. Я думаю, вы поняли, о ком идет речь. Петр за все время работы показал себя трудолюбивым человеком, настоящим мужчиной и товарищем. Так вот, мы получили ответ из горуправления. Зачитываю: «Выделить квартиру в строящемся доме в поселке Северный Маганак по улице Оренбуржской, 9, кв. 52»…

Зал взорвался продолжительными аплодисментами. На Петра со всех сторон посыпались поздравления шахтеров.

Вернувшись домой, Петр рассказал радостную новость

жене. Надежда бросилась на шею мужа, расцеловала его и воскликнула:

– Петечка, любимый мой! Ты у меня самый, самый лучший!

9 февраля 1972 года маленькому Александру исполнился год. У Петра был выходной, поэтому он почти целый день нянчился с сынишкой, а Надежда занималась приготовлением праздничного ужина для гостей. Самыми первыми пришли Сергей Смирнов со своей женой Зиной и трехлетней дочкой Анечкой. В шесть часов вечера все гости, как говорится, в тесноте, да не в обиде сидели за столом в маленькой комнате, которая у Петра и Надежды была одновременно и залом, и спальней. Именинника абсолютно не интересовало происходившее за столом у взрослых, он был полностью увлечен изучением новых игрушек.

…Наступил март и принес с собой не только начало весны, но и большую радость для молодой семейной пары.

В первую субботу месяца в десять часов утра у Петра собралась почти вся его бригада. Новоселье! Оно сродни большому празднику. В советское время на самом деле можно было, как говорят в народе, собственным горбом заработать квартиру. Если ты настоящий труженик-пахарь, то государство обязательно, пусть не сразу, выделит тебе свой угол, свое жилье, что очень важно для любой, особенно молодой, семьи.

Вот и сейчас Петр с Надеждой от счастья готовы были

взлететь до небес. Меньше часа понадобилось Петру со своими напарниками, чтобы упаковать вещи в небольшой грузовик. Бригадир Иван Смельчаков обратился к Петру и Надежде:

– Дорогие новоселы, садитесь в «Москвич», я вас персонально во главе колонны повезу. Теперь будете жить в новом микрорайоне Северный Маганак. Нужно потихоньку выдвигаться, так как в час дня начнут торжественно вручать ордера и ключи от квартир.

Попрощавшись с родителями и соседями, Петр с Надеждой подошли к Полине Карповне, которая тихо стояла в сторонке и улыбалась. Она по очереди поцеловала ребят:

– Ну что, мои дорогие! С Богом! Не забывайте, приезжайте в гости. Да и по Сашеньке, правнучку моему любимому, я буду очень сильно скучать.

Петр с Надеждой уселись в машину, а Полина Карповна еще долго смотрела им вслед. По щекам непроизвольно катились слезы, но она улыбалась, так как понимала: молодым жить в городе будет намного лучше, нежели в этой глухой деревне, в которой остались доживать свой век одни старики.

Дорога заняла примерно час. Вот на пригорке показался микрорайон Северный Маганак. Уже было хорошо видно множество строительных площадок, между которыми возвышались несколько новеньких пятиэтажек. На одной из них висела табличка: «ул. Оренбуржская, 9».

Смельчаков Иван с трудом нашел место для своего

«Москвича»: возле дома собралось много легковых автомобилей и грузовиков с мебелью.

Торжественная часть длилась примерно сорок минут. Представитель городского строительного треста после вступительной речи приступил к самому важному: выдаче ключей новоселам.

Огромная радость объединяла присутствующих. Это особенно проявлялось, когда называли фамилию для выдачи ключей. Все громко рукоплескали и поздравляли друг друга.

Поднявшись на третий этаж, Петр открыл дверь квартиры под номером 52 и сказал Надежде:

– Заходи, хозяйка. Теперь это наше с тобой жилье.

От охватившего их восторга ребята молча стояли как вкопанные. Затем Петр крепко обнял и поцеловал свою Наденьку. И тут в дверях показался Костя Вербин с тумбочкой в руках:

– Эй, голубки, еще наговоритесь, а сейчас показывайте, куда вещи ставить. Вся бригада уже по лестнице поднимается.

Так и зажили Петр с Надеждой душа в душу в собственной новенькой квартире. А сынишка Сашечка рос не по дням, а по часам. Ему шел уже второй год. Петр продолжал работать на шахте. Так как бригада была передовой, часто приходилось задерживаться, а то и вообще оставаться на вторую смену. Надежда с большой радостью выполняла роль домохозяйки, любящей матери и жены.

Шел декабрь 1972 года, зима стояла суровая: больше сорока градусов мороза, метели, сугробы. Сашечка простудился и заболел, поэтому родители решили на недельку переехать пожить в деревню, к Полине Карповне. Кто, как не она, знает множество народных хитростей по излечению той или иной болезни! Да и Надежде будет полегче. Больные дети всегда изматывают, как физически, так и морально, своих родителей, особенно матерей. Поселок Низменный находился недалеко от шахты, что позволяло Петру утром спать на целый час дольше, а вечером раньше приходить домой.

Однажды в субботний вечер Петр собрался уходить на работу. Супруга его сытно покормила. Он поцеловал сынишку, обнял жену и сказал:

– Ну все, мне пора, я пошел. Будьте умничками, мои любимые.

Надежда, не отпуская мужа, почему-то заплакала и еще сильнее прижалась к его груди.

– Что случилось, моя хорошая? Перестань плакать, а то я на работе буду переживать! – сказал Петр, поцеловал Наденьку в щеку и вытер ее мокрые от слез глаза.

Надежда успокоилась, посмотрела на мужа и сказала:

– Петечка, любимый мой, самый, самый лучший, береги себя. Мы с сынишкой тебя очень, очень любим! Я не знаю, какое-то у меня дурное, нехорошее предчувствие. Вообще эта работа такая опасная! Я так переживаю, когда ты уходишь! И сон не сон, от каждого шороха вздрагиваю. А быва-

ет, Сашечку прижму к себе, а сама молюсь: не дай, Господь, с тобой что-то случится. Обещай мне, что ты не будешь понапрасну рисковать, и всегда помни, что дома твоя семья ждет тебя здоровым и невредимым.

Петр приложил указательный палец к губам Наденьки и, улыбаясь, сказал любимой:

– Душенька моя, солнышко ненаглядное, цветочек мой самый аленький, да вы же с сынишкой для меня смысл жизни! Кроме вас, ничего нет для меня дороже и важнее! Любимая, выкинь из головы все плохие мысли. Я обещаю, что буду аккуратен и со мной ничего не случится.

Петр крепко обнял и поцеловал Надежду, надел шапку и вышел из дома. А она подбежала к окну, подышала на замерзшие от мороза стекла и, глядя вслед уходящему мужу, молилась:

– Господи, спаси и сохрани моего Петечку! Пошли ангела-хранителя, и пусть он оберегает его каждую секунду, чтобы с ним ничего не случилось.

В восьмом часу вечера Надежда варила детскую кашку для сынишки, который, сидя на диване, занимался своими игрушками. В доме было тепло, в печи потрескивали дрова, все, как всегда: тихо, уютно, по-домашнему.

Вдруг кто-то резко постучал в окно. Надежда испугалась, но услышала знакомый женский голос, который звал ее выйти на улицу. На пороге стояла Зина, жена Смирнова Сергея, друга детства Петра, они теперь работали в одной бригаде.

– Что случилось, Зина? – спросила Надежда с нарастающим волнением.

– Надя, на шахте авария, обвал. Говорят, кого-то убило, – протараторила Зина и тут же выбежала на улицу.

– Кого убило, Зина? – со слезами на глазах закричала Надежда.

– Не знаю, – ответила Зина и, убегая, скрылась в темноте.

Вытирая слезы, Надя забежала в комнату и кинулась потеплее одевать сынишку: вязаные носочки, штанишки, кофточка, тулуп с капюшоном, обмотала Сашеньку с ног до головы большим шерстяным шарфом. Сама накинула зимнее пальто, надела валенки, шапку, взяла ребенка и выбежала на улицу.

Возле шахты собралось много народа. У первой встречной женщины Надежда спросила:

– Кого убило? Фамилии не называли?

– Пока никто ничего не объявлял. Но говорят, что двоих раненых шахтеров «скорая» увезла в горбольницу, а одного пытаются спасти. Его сильно завалило. Не известно, жив ли.

Надежда устремилась к проходной шахты. И тут услышала, как ее позвал отец:

– Надежда! Наденька!

Иван Кириллович подошел к дочери и крепко обнял ее:

– Не переживай, с Петром все нормально. Он вместе со своими ребятами бригадира Ивана Смельчакова из-под завала достают. А ты быстро давай в вахтенный автобус, а то

внука застудишь. Да и сама вся дрожишь, заболеешь.

Вахтенный автобус хорошо отапливался, и, когда Надежда уселась на сиденье, почувствовала, как сильно замерзли руки, а заплаканное лицо, казалось, покрылось тонкой коркой льда. Надежда размотала шарфик и увидела улыбающееся личико Сашеньки, как будто он радовался услышанному от своего деда. Она поцеловала сынишку и почувствовала, как по замерзшим ресницам непроизвольно покатились слезы.

Почти час ожидания показался вечностью. Надежда немного успокоилась после встречи с отцом, но тревога на сердце не проходила. Огромным желанием было увидеть своего Петечку целым и невредимым.

В автобусе находилось еще несколько женщин, некоторые, как и Надя, были с детьми. Все ждали. И вот с проходной начали выходить шахтеры в спецодеждах и касках. Петр крепко обнял Надежду, а она плакала не в силах сказать ни слова от нахлынувших радостных эмоций. Иван Кириллович держал на руках своего внука:

– Ну что, Санек? Цел и невредим твой папка. Сейчас домой поедем, время-то позднее.

Уже лежа в постели на плече любимого, Надежда спросила:

– Петя, может, бросишь эту свою опасную работу? Ради меня с сыном. Не дай, Господь, с тобой что-нибудь случится, что мы тогда будем делать? Я вообще не могу представить

жизни без тебя. А вот что сейчас с бригадиром будет? Ты сам говорил: когда его из-под завала достали, он без сознания был. Вдруг останется инвалидом, кто будет троих деток кормить?

Петр почувствовал, что Надежда вот-вот заплачет, и крепко прижал ее к себе:

– Любимая, то, что произошло сегодня на шахте, – нелепая случайность. Уверяю тебя, ничего опасного. А Ивану Смельчакову просто не повезло. В любой профессии есть определенный риск. Быть шофером или строителем, наверное, еще опаснее, чем шахтером.

Надежда, не дослушав мужа, перебила:

– Это ты меня успокаиваешь, а я бы согласилась на любую твою работу, кроме шахты. Ладно, любимый, давай спать, ты сегодня очень устал. Завтра будем к Новому году готовиться, два дня осталось.

Они встретили Новый, 1973 год дома, в семейном кругу. Выпили шампанского и почти до часу ночи играли с ребенком, пока Сашенька не уснул прямо на диване в зале, где был накрыт праздничный стол.

Молодые супруги отказались от всех приглашений и сами в гости никого не позвали: праздничное настроение притупилось страшным предновогодним происшествием на шахте, после которого в больницу в тяжелом состоянии попал бригадир Иван Смельчаков.

Глава 3. Бригадир

Второго числа вся бригада собралась в приемном покое городской больницы.

– Я такую ораву не пропущу. Больной в тяжелом состоянии, ему нужен покой. Разрешу максимум двоим пройти в палату, и то на пять минут, – твердила медсестра, отказывая ребятам на их уговоры всем вместе проведать товарища.

Решено было отправить самых молодых, Петра и Вербина Костю. Они вдвоем с трудом смогли унести все передачи для своего бригадира. На втором этаже больницы, где располагалось травматологическое отделение, возле палаты № 8 Костя Вербин обратился к молодой медсестре, проходившей мимо по коридору:

– Красавица, вы не поможете дверь открыть, а то у нас все руки под завязку заняты?

Девушка улыбнулась и любезно выполнила просьбу. В небольшой палате стояло всего две кровати, на одной из которых под капельницей лежал Смельчаков Иван.

Поздоровавшись с бригадиром, Петр с Костей принялись раскладывать принесенные продукты в тумбочке.

– Вы куда столько притащили? У меня и так всего полно.

– Ничего, ничего, во время болезни человек должен хорошо питаться, чтобы быстрее встать на ноги, – сказал Петр. – Иван Степанович, рассказывай лучше, как себя чувствуешь?

Что говорят врачи? Когда вернешься в строй? А то ребята переживают, привет передают. Вся бригада внизу, нас просто не пустили, сказали, такой толпой не положено по больнице ходить.

Иван Степанович, немного смутившись, ответил:

– Передайте большое спасибо всем ребятам за визит и беспокойство. А вообще дела у меня плохие. Врачи говорят, еще минимум месяц придется поваляться на больничной койке, а потом пропишут длительный дневной стационар. Нужно будет каждый день приходить на процедуры.

Петр и Костя заметили, как бригадир разволновался, но, собрав все силы в кулак, продолжил:

– Мне по инвалидности группу дадут, а это сто процентов, как сказал профессор, работать физически, не говоря уже о шахте, мне будет запрещено.

После этого почти минуту все молчали. Петр нарушил тишину:

– Бригадир, как бы оно там ни получилось, самое главное – остался жив, в семье не случилось страшного горя. Что ж поделаешь: такая она, наша жизнь, с ее сюрпризами. Человек бессилен перед своей судьбой, он способен только приспосабливаться к ее поворотам, как в спорте, принимать условия, точнее, правила игры. Так что ты, Иван Степанович, сильно не отчаивайся. В конце концов белый свет на шахте клином не сошелся. Самое главное – ты будешь жить и принесешь еще много пользы своей семье и обществу. Ты, бри-

гадир, сильный человек. Все еще образуется и будет в норме.

В это время в палату зашла пожилая медсестра:

– Заканчиваем свидание. Больному нужно принимать лекарства, он еще слаб для длительных бесед.

Ребята пожали ослабленную руку бригадира и попрощались.

На улице решили всем своим сплоченным мужским коллективом отметить наступивший Новый, 1973 год. Бригада направилась в излюбленное место для проведения соответствующих мероприятий – кафе «Калинка».

Через полчаса банкет уже начал набирать обороты, и тут в зале появился Вербин Костя.

– Мужики, извиняюсь за опоздание, но вы первые, кому я сообщу очень важную новость. Сегодня в больнице, когда мы с Петром ходили навещать бригадира, я встретил молоденькую медсестру, и у меня сразу же сжалось сердце. Когда вы ушли в кабак, я остался в больнице, нашел ее, мы поговорили и решили пожениться. Так что завтра идем в загс подавать заявление. Женюсь, мужики! Всех приглашаю на свадьбу! Наливай!

Тут же был произнесен тост в честь предстоящей свадьбы, за что ребята и выпили.

Одним из самых старших из шахтеров был Семенович. Андрею Семеновичу Ушакову в прошлом году исполнилось сорок пять лет, из которых последние пятнадцать он отработал на шахте. За трудолюбие и ответственность он поль-

зовался большим уважением в бригаде, а, будучи честным и принципиальным, уже пять лет состоял в рядах Коммунистической партии СССР.

Семенович попросил у всех минуточку внимания, поднялся с места и начал говорить:

– Уважаемые товарищи, мужики! Может быть, кто-то посчитает несвоевременным и неуместным, но мы должны обсудить очень важный вопрос, назревший в нашем коллективе. Все вы помните, как сегодня в больнице мы беседовали с профессором, пока Петр и Костя ходили к бригадиру. При всем уважении и любви к Смельчакову Ивану мы должны с пониманием относиться к сложившейся ситуации и решить, кто будет исполнять обязанности бригадира. Тем более что послезавтра, когда мы выйдем на работу, нам этот вопрос однозначно зададут и потребуют назвать фамилию для рассмотрения на административно-партийном совете шахты. Позвольте мне также высказать свое предложение. Так как бригада у нас самая молодая на шахте, думаю, и бригадир должен быть молодым. Я выставляю кандидатуру Петра на должность бригадира. Характеризовать этого человека считаю излишним. Вы сами его прекрасно знаете, вместе работаем. Теперь у меня вопрос: есть ли еще какие-то предложения или возражения? А может быть, давайте проведем тайное голосование?

Ребята начали высказывать свои точки зрения. Поднялся небольшой галдеж. Тогда Андрей Семенович попросил всех

успокоиться и, дождавшись тишины, продолжил:

– Чтобы не устраивать базар, попрошу всех проголосовать два раза. Тогда все станет ясно. Итак, первый вопрос: кто за то, чтобы провести тайное голосование? Прошу поднять руки, – выдержав паузу, Семенович продолжил: – Нет таких. Тогда кто за то, чтобы на должность бригадира избрать Петра?

Весь коллектив бригады немедля поднял руки. Андрею Семеновичу оставалось только подытожить результат единогласного голосования.

Со всех сторон на Петра посыпались поздравления. Мужики по очереди пожимали руку новому бригадиру. Андрей Семенович, поздравляя в последнюю очередь, обратился к Петру:

– Ну что, бригадир, за тобой слово.

Петр поднял рюмку водки и поднялся со своего места:

– Мужики, честно сказать, я сильно удивлен, так как считаю, что у нас есть более достойные кандидатуры. Но, раз вы доверяете мне такую ответственность, могу сказать одно: буду стараться не подвести. Тем не менее попрошу всех выпить за нашего настоящего бригадира, за его быстрое выздоровление, Смельчакова Ивана. Ему в действительности удалось создать настоящий мужской шахтерский коллектив. Что бы дальше ни случилось, предлагаю Смельчакова Ивана считать постоянным членом нашей бригады.

Петр вернулся домой около семи часов вечера. На пороге

квартиры он радостно воскликнул:

– А где же моя любимая женушка?

Надежда с удивлением пришла из кухни встречать мужа.

– Что же такого радостного случилось, дорогой?

Петр разулся и, не раздеваясь, крепко обнял Надежду.

– Во-первых, извини меня, любимая, за то что я вернулся домой в подвыпившем состоянии. А во-вторых, можешь поздравить: ребята выбрали меня бригадиром, так как Смельчаков Иван больше не сможет работать на шахте.

Надежда посмотрела в глаза мужа и, улыбаясь, ответила:

– Ах ты, мой алкоголик. Вот мы уже и пьяненькие домой возвращаемся. Давай раздевайся, умывайся и проходи на кухню. Я тебя свежим борщом накормлю, заодно все по порядку и расскажешь.

Несмотря на то что Петр был сыт, из уважения и большой любви к своей Надежде он уселся за стол и принялся есть борщ, который в действительности был очень вкусно приготовлен. Подробно все рассказав, Петр поблагодарил жену за ужин и пошел играть с сыном, по которому сильно соскучился.

Глава 4. Весна 1973 года

Суровая сибирская зима всегда с большим нежеланием уступает место долгожданной весне. Но устоявшийся веками закон природы неизменно берет свое. Так и в том далеком 1973 году в апреле было видно, как все вокруг подчинялось полноправной хозяйке, взявшей под свое крыло все живое: наступившей ранней и теплой матушке-весне.

22 апреля в стране был большой праздник, который демонстрировал великую сплоченность нации. От мала до велика люди разных специальностей, от рабочих до интеллигенции, все, как один, считали почетным и важным делом принять участие в общенародном субботнике, внести свой личный вклад в общее дело. И это было поистине великим достоянием советской власти, когда каждый человек чувствовал себя полноправным членом большой и дружной семьи, нерушимого государства.

Бригаде Петра для наведения порядка был отведен участок в городском парке. Ребята с энтузиазмом трудились. Лопаты, грабли и другой инструмент казались необычайно легкими в руках шахтеров после тяжелых отбойных молотков. Работа спорилась. Никому не нужно было говорить, что делать, каждый проявлял инициативу и смекалку, а шутки по отношению друг к другу способствовали поддержанию приподнятого настроения.

И тут в парке появилась компания молодых патлатых парней. Они щеголяли по аллеям в брюках-клеш. Один из них, докурив сигарету, бросил бычок мимо урны, на что отреагировал Вербин Костя:

– Послушай, парень, подними окурок и брось в урну.

Молодой человек подошел вплотную к Косте и нагло ответил:

– Это с каких пор у нас дворники такими борзыми стали? Вот возьми и убери.

Костя, не раздумывая, врезал обидчику по морде, да так, что тот не удержался на ногах и упал на урну, которая перевернулась, и весь мусор высыпался на него. Вся компания патлатых бросилась на Костю, но, увидев, как мужики с граблями и лопатами бегут на помощь, тут же оставили его в покое. Петр помог Косте подняться и заметил, как из-под порванной на бедре штанины сочится кровь. Один из семерых блатных, стоя в окружении тридцати мужиков, вооруженных уборочным инструментом, попытался сгладить обстановку:

– Ну все, хорош, мы уходим. Ваш дружок первым саданул нашего приятеля.

Петру показался знакомым голос говорившего. Он внимательно посмотрел на него:

– Козловский Вова, ты, что ли?

Патлатый, ехидно улыбаясь, ответил:

– Да, Петюня, я. А что, есть вопросы? Ну так давай, валяй.

– Знаешь ли ты, Козловская морда, что вы со своими коз-

лами обидели нашего друга? Теперь вам придется за это ответить, – твердо сказал Петр.

Козловский вытащил из кармана куртки раскладной ножик и заорал на публику:

– Ну ты, гнида, давай нападай один на один! Посмотрим, как я тебе брюхо вспорю.

Петр взял штыковую лопату у одного из своих товарищей и спокойно ответил:

– Давай. Посмотрим. Но, если не хочешь, чтобы я тебе голову снес, можем по-мужски выяснить отношения на кулаках. Третьего варианта не дано.

– Вован, брось ножару и начисти этому фраеру рожу так, как он хочет! – обратились патлатые дружки к Козловскому, и тому ничего не оставалось делать, как бросить нож и кинуться на Петра с голыми руками. Следующие три минуты Козловский Вова напоминал игрушку-неваляшку, только в конце «механизм» поднятия на ноги окончательно сломался, и он оказался в грязи с изрядно разбитой мордой, умоляя о пощаде. Затем по приказу Петра Козловский подполз к урне и начал собирать рассыпавшийся мусор.

– А вы что стоите? Давайте помогайте своему дружку, – обратился Петр к патлатым блатным.

– Ну и законченная гнида ты, Козел, – собирая мусор, сказал один из блатных, с ненавистью посмотрев на Козловского.

Тогда Петр не знал, что это была последняя встреча с быв-

шим односельчанином. Примерно через месяц Козловский Владимир Семенович получит десять лет тюрьмы за устроенную поножовщину на городской дискотеке. А через три года отсидки будет убит зеками за крысятничество: он украдет у тамошнего жулика деньги, за что и поплатится жизнью. Младший брат, Козловский Сеня, так же печально закончит свою жизнь: окончательно сопьется. Через пять лет он бесследно исчезнет. На карьере, где с дружками распивали спиртные напитки, от него останутся только вещи, а тело так и не будет найдено.

Семен Макарович Козловский проведет остаток своих дней в психушке, видимо, не выдержав позора, обрушившегося из-за родных сыновей. Вот такая она штука – жизнь, жестокая. Не зря говорят, что за все в жизни нужно платить, за все ошибки, пусть даже самые незначительные.

Рана у Вербина Кости оказалась ерундовой. Тем не менее ребята сопроводили его в медпункт, где сказали, что травма получена по неосторожности на субботнике.

На следующий день будильник разбудил Петра и Надежду в восемь утра. Они встали, позавтракали и решили, пока спит Сашенька, вместе убраться в квартире, а потом поехать в гости к Полине Карповне и к родителям.

Рейсовый автобус остановился, водитель объявил: «Поселок Низменный». Петр подхватил на руки сынишку, и они с Надеждой вышли на знакомую остановку, которая совсем не изменилась за все эти годы. Прошли мимо длинного ба-

рака, где располагались магазины и почта. Самым большим изменением, сразу же бросившимся в глаза, была дорога, которую отсыпали гравием. Несмотря на неровности и множество луж, такой грязи, как раньше, уже не было, передвигаться пешком стало значительно легче.

Открыв калитку, Надежда пропустила мужа с сыном на руках вперед.

– Бабушка, Полина Карповна! Встречай гостей! – громогласно позвал Петр. Дверь открылась, из дома вышла Полина Карповна и со слезами на глазах направилась навстречу гостям.

– Детки мои любимые! Как хорошо, что вы в гости приехали! Радость-то какая! А я как чувствовала, что гостей сегодня ждать. В окно взглянула, смотрю, вы во двор заходите, и Петр меня звать начал. А правнучек-то, мой любимый Сашенька, совсем большой стал! Растет не по дням, а по часам. Ну, заходите в хату. Я блинов напекла, с вареньем и чаем кушать будем.

За столом Полина Карповна рассказала:

– В последнее время у меня часто ночует Гришка, так как у них с женой Ольгой не ладится. Она его пьяного домой не пускает, а ее родители вообще хотят, чтобы они развелись. Выпивать Гришка стал все чаще и чаще. Вот и приходит ко мне ночевать. Я ему ту часть хаты открываю, где вы раньше жили, он там и отсыпается, – Полина Карповна немного помолчала и обратилась к Петру: Гришка-то мужик хо-

роший, руки золотые. Да и семью жалко, детки-то вон уже какие большие. Он, когда отоспится, у меня извинения просит, а сам в глаза не смотрит, стыдится. По хозяйству мне поможет, дров нарубит, починил забор, да и всякое другое. Как уходит, попрощается и обещает больше не пить. А через неделю-другую опять пьяный приходит. Ты бы, Петя, поговорил с ним, братья все же родные. Может, он мне что не договаривает, стесняется? А там кто его знает, что на душе творится? А может, его полечиться отправить? Не знаю. Одним словом, пропадает человек.

Петр поднялся из-за стола и сказал:

– Спасибо, баба Поля, за то что вы рассказали, за вашу тревогу. Я прямо сейчас пойду к нему, а вы пока тут посекретничайте да с Саньком поиграйте.

Разговор со старшим братом поначалу не складывался. Григорий пытался во всем винить свою жену, что она много слушает своих родителей, вот и нет ладу в жизни. Но Петр сразу при встрече заметил, что за последний год, пока они не виделись, Григорий сильно изменился в худшую сторону. Он уже не выглядел так, как раньше, будучи здоровым и крепким мужиком, который имел золотые руки. Петр вспомнил, как с самого детства Григорий был для него не просто старшим братом, а настоящим примером для подражания. Во всех близлежащих селах боялись его кулаков и уважали за недюжинную силу, но прежде всего за честность и справедливость.

Петр внимательно выслушал брата, немного помолчал и обратился к нему:

– Гриш, ты на меня не обижайся, но, по-моему, виной всех твоих бед является пьянка. Попробуй вообще завязать. Если хочешь, давай в больницу поедем да полечишься?

Григорий тут же вспылил и грубо ответил Петру:

– Ты чего сюда приперся? Алкоголика во мне видишь? Какая больница? Хочешь меня опозорить перед всеми? Я не алкаш. Захочу – и так ни капли в рот не возьму. Может, тебе братским словом поклясться? Меня и так со всех сторон достают и наши, и Ольгины родители: тебе вообще пить нельзя, погубишь себя. Надоело одно и то же слушать каждый день. А может, у меня душа болит? Места себе не находит? Сам в себе разобраться не могу? Не знаю, что со мной происходит.

Петр обнял Григория за плечо и почувствовал, как сильно переживает за свою родную кровь.

– Ты, братуха, успокойся. Наверное, у всех в жизни бывают черные полосы. Но мы должны бороться, преодолевать все трудности ради наших детей и нас самих. Может, тебе помощь какая нужна? Ты говори, не стесняйся. Чем смогу, тем помогу. У меня у самого на сердце боль: не могу смотреть, как мой любимый старший брат страдает.

Григорий поднялся со скамейки и закурил папиросу:

– Эх, Петька, Петька. Ты уже, вижу, совсем взрослым мужиком стал, не по годам. Время-то как летит: оглянуться не успели, а уже и собственные дети подрастают. А помощи мне

никакой не надо. Сам выкручусь. Ты знаешь, наверное, что я с шахты ушел. Работаю в котельной. Зарплата, конечно, намного меньше, едва на жизнь хватает, а Ольга постоянно пилит: детей нечем кормить, надевать нечего, и всякое такое. Может, ты, Петр, поговоришь с ней, чтобы она меня не доставала? Уже нервов никаких не хватает, вот и срываюсь.

– А какая у тебя сейчас зарплата, брат?

– Пятьдесят рублей, – ответил Григорий. – Считай, минимум в три раза меньше, чем на шахте. А она за глотку берет. Что же теперь делать? Другие как-то живут.

Петр достал из внутреннего кармана портмоне, отсчитал пятьдесят рублей и протянул брату.

– На вот, Григорий, возьми. С Ольгой решите, что вам нужно купить. Мало будет, придешь ко мне, я еще дам. Бери-бери, срочно отдать требовать не буду. Потихоньку рассчитаешься. А с женой вы как-нибудь сами разберетесь. Ну что я ей скажу? Это ваша семья. Не дети уже. Хватит, я думаю, ума на то, чтобы жизнь свою наладить. Да, Григорий, об одном тебя от всего сердца прошу: брось пить. А если уж приспичит, так ты ко мне в гости приезжай, мы с тобой сколько хочешь выпьем. Надежда закуску приготовит, поедим хорошо да и спать ляжем.

Григорий крепко обнял младшего брата:

– Спасибо, Петька! За все тебе спасибо! Я счастлив, что у меня такой брат.

Петр увидел, как у Григория на глазах появились слезы,

и, едва сдерживая эмоции, прощаясь, сказал брату:

– Гриш, мне идти нужно. У Полины Карповны жена с сыном ждут. А ты своим, как вернутся, привет передавай. Вообще это не дело, что мы почти целый год не виделись. Теперь нужно почаще встречаться: то мы к вам, то вы к нам в гости приезжайте. Ну все, я побежал. До встречи!

Вернувшись в дом Полины Карповны, Петр с радостью рассказал о встрече с братом. Тогда он был уверен, что Григорий изменится, бросит пить и все у него в жизни наладится.

Через несколько дней в гости к Петру и Надежде приехала Ольга с детьми. Ее усталые глаза и измученный вид говорили сами за себя. Она прошла на кухню, села на стул и заплакала. Петр, чувствуя тревогу на сердце, все понял, а Надежда пыталась успокоить страдавшую женщину.

Ольга, вытирая слезы, причитала:

– За что мне такое наказание? Он же мне много раз обещал не пить, а вчера утром на коленях стоял, умолял простить за все. Где-то достал деньги и отдал мне, сказал, чтобы я купила себе и детям что нужно. С отцом моим по хозяйству полдня занимались. А потом я попросила его в магазин сходить. Он как ушел в пять часов и вернулся – почти десять было, пьянющий. В кармане полбуханки хлеба погрызенной и денег нет. Меня пытался ударить. На родителей кидался драться. Хотели участкового вызывать, но, слава Богу, его дружки за ним пришли, и он с ними куда-то смотался. До

сих пор не знаю, где он и что с ним. Мне мать с отцом сказали последний раз строго-настрого, чтобы я бросила его или вместе с ним из дома уходила. Что мне делать? Я же люблю его. Зачем он так надо мной и детьми издевается?

Петр приобнял Ольгу за плечо и спросил:

– Скажи, пожалуйста, а сколько он тебе дал денег?

Ольга с удивлением посмотрела на Петра:

– Двадцать пять рублей. А что? Наверное, это ты ему деньги дал? Я почему-то так сразу и подумала.

– Да, деньги ему дал я. Хотел как лучше, а получилось как всегда. Так, ладно. Ты, Ольга, успокойся. Оставайся с детьми у нас, переночуете. А я поеду искать Григория. У меня к нему очень серьезный разговор назрел, – сурово сказал Петр и пошел собираться.

Провожая мужа, Надежда попросила:

– Петечка, ты поаккуратнее и держи себя в руках.

Петр оделся, поцеловал жену, ответил:

– Не переживай, любимая. Все будет хорошо. Что поделаешь? Это мой старший брат, родная кровь, я просто обязан во всем разобраться.

Добравшись до поселка Низменного, Петр встретил возле магазина троих знакомых подвыпивших мужиков, которые за бутылку дешевого портвейна рассказали, что целый день выпивали с Гришкой, а потом пьяного оттащили к продавщице Вальке, так как домой его все равно бы не пустили. Поблагодарив мужиков, Петр попрощался и отправился по

указанному адресу.

Валька-продавщица была женщиной бальзаковского возраста и имела весьма непристойную репутацию. Благодаря ей многие мужчины в поселке были молочными братьями.

Петр вошел во двор Валентины и постучал в окно. Хозяйка вышла на улицу в коротком домашнем халате и, улыбаясь, спросила:

– Неужто все-таки решился ко мне в гости зайти да поближе познакомиться?

Петр, перебивая хозяйку, строго ответил:

– Ты мне, Валентина, зубы не заговаривай. Да и гостеприимство мне твое ни к чему. Скажи лучше: Гришка у тебя?

– Да, у меня. Уже часа два как отсыпается. Проспится, может, с него и будет какой толк. А пока у нас с тобой есть время… – засмеявшись, ответила Валентина и открыла дверь, разрешая Петру пройти в дом.

Григорий лежал на диване в зале. Его крепкий сон сопровождался медвежьим храпом. Валентина обратилась к Петру:

– Может, все-таки не будешь будить? Пусть отоспится. Его сюда дружки доставили вусмерть пьянющим.

Петр, ничего не отвечая, подошел к брату и принялся его будить. Минут десять ничего не получалось: мычание подтверждало, что Григорий сильно пьян. И тогда Петр вспомнил, как еще в юности, до армии, на поселковых танцах участковый Кашкин приводил в чувство изрядно перебрав-

шего спиртного местного хулигана Зосю. Положив ладони на уши Григорию, Петр начал их растирать. Результат не заставил себя долго ждать. Пытаясь защититься от болезненной процедуры, Григорий уже в сидячем положении произнес:

– Петька, хватит надо мной издеваться. Ты откуда взялся? Где я?

Петр заставил брата умыться, помог ему одеться, и, поблагодарив Валентину за приют, они вышли на улицу. И тут Петр увидел, как навстречу им идут отец Николай Никифорович с тестем Иваном Кирилловичем. Григорий пребывал еще в полупьяном состоянии, но согласился идти в родительский дом. Зайдя в хату, Петр поздоровался с мамой, которая заплакала, увидев пьяного Гришку, а отец грозно на него прикрикнул:

– Позоришь перед людьми, алкаш! Глаза б мои тебя не видели. Лучше бы уехал куда-нибудь, родителей и семью не мучил, а там живи как хочешь, пропащий ты человек. А нука быстро ложись спать! Завтра у нас с тобой очень серьезный разговор будет.

Петр с отцом вышли на улицу, уселись на лавку. Николай Никифорович закурил свой любимый «Беломорканал» и с грустью заговорил:

– Как мне тяжело на это все смотреть! И самое страшное то, что мне кажется, он так и сопьется, пропадет. Ольга его бросит. Кто захочет с алкашом жить? Детей вот жалко, всю жизнь будут стыдиться своего отца. А я вам всю жизнь гово-

рил: водка до добра не доведет, не таким людям жизни ломала. У нас до войны председатель колхоза был, Степан Степанович. Здоровый мужик, еще больше Гришки. А умный какой! Так он всю жизнь не пил, не курил, а в сорок пять лет что-то у него в семье не заладилось, стал понемножку выпивать. Хочешь – верь, хочешь – не верь, через год в подзаборного пьяницу превратился. Жена с детьми так и бросила его, уехала. Ты только представь себе: от председателя до сторожа на ферме опустился. Так потом и умер в грязи и одиночестве. Все жалели, а ничего не поделаешь, человека-то не стало. И только сам виноват, что так свою жизнь загубил. Нельзя руки опускать никогда, даже в самой сложной жизненной ситуации. А как люди в войну, голод, холод боролись за жизнь? Я считаю, человек должен из последних сил карабкаться, но выживать ради самого себя, своих близких. Очень тебя прошу, Петр, цени свою жизнь и дорожи каждой минутой. Она и так короткая дается человеку. Да, мне Иван Кириллович про твои геройства на шахте рассказывал. Ты это брось, рисковать. Денег всех не заработаешь и никому ничего не докажешь. А случится что, кто о твоей семье позаботится? Помни это всегда и не лезь сломя голову куда попало. Понятно тебе?

– Понятно, – ответил Петр и спросил отца:

– Батя, если ты не собираешься идти спать и если у тебя есть желание, расскажи мне про своего отца, моего деда.

Николай Никифорович закурил новую «беломорину»,

немного задумался и начал свой рассказ:

– Отчего же, ты должен знать о своем предке. Каждый человек обязан интересоваться своей родословной. По рассказам моей матери, твоей бабушки Евдокии Карповны, отец мой и, соответственно, твой дед, Никифор Степанович, вообще был с греческими корнями. Воинствующими были наши предки, вольнонаемными. Простыми словами сказать: кто платил, за того и воевали. Если ты в школе учил историю, то должен знать, что Екатерина, царица великая, всех военнопленных ссылала в те времена далеко на юг, на Кубань. Екатерина была и вправду умной царицей. Вольные кубанские степи были границей Руси с различными крымскими княжествами, а ссыльные образовали там казачества, землю между собой распределили, а самое главное – охраняли южные рубежи нашего государства от турецких набегов и всякой другой нечисти, что тогда посягала на наши земли. Вот так и стал Никифор Степанович атаманом станицы. Я-то его не помню, но мать говорит: здоровый мужик был, за два метра, а еще очень строгий и хозяйственный. У него примерно человек пятьсот в подчинении было. Но люди жили хорошо. Он никого просто так не обижал, а если кого наказывал за воровство или какие другие провинности, то сам лично, в центре станицы, у всех на глазах, до крови кнутом запарывал. И мельница своя была, и лошадей голов сто. Зажиточно жил, сам работать любил и других заставлял. А потом, в семнадцатом году, произошла революция. Так казаки там,

на Кубани, долго, до 22-го года, Советской власти сопротивлялись, не хотели с нажитым добром расставаться. Кого не убили, те за кордон подались. Так и отец в Болгарию убежал и забрал с собой младшего моего брата, а я в семье был одиннадцатым ребенком. А когда уже красные окончательно осели, так мою мать с одиннадцатью детьми, и меня в том числе, сослали сюда, в Сибирь. Мы тогда считались политическими, семьей врага Советской власти. Жили в бараке. Холод, голод – всякое было. Двое моих братьев и сестренка умерли. Тяжело было, вспоминать не хочется. Маму жалко: она за двоих работала, чтобы нас прокормить. Так долго и не протянула, вскоре тоже умерла. Кстати, родители твоей Надежды тоже ссыльные, с Украины. Да здесь таких много, почти каждая семья.

Николай Никифорович закурил еще одну папиросу и задумался.

Петр поблагодарил отца за интересный рассказ, и они отправились спать.

Каждый родитель желает своему чаду только добра, старается воспитать из своего ребенка хорошего человека, используя при этом свои индивидуальные методы. Неизменной из поколения в поколение остается одна проблема: взаимопонимание отцов и детей. Каждый из нас помнит, как в детстве родители говорили о плохом предчувствии, если мы поступали неправильно или оказывались в трудной ситуации. И когда ребенок вырастает, становится взрослым человеком,

обзаводится собственными детьми, то начинает понимать, насколько всегда были правы родители, желая ему в жизни всего наилучшего. И мы потом всю жизнь ругаем себя за то, что в детстве из-за нас столько нервничали и переживали наши мамы и папы.

Плохие предчувствия Николая Никифоровича в отношении Григория оказались пророческими. Буквально через полгода Григорий опустился на самое дно. Он превратился в настоящего алкаша, в человека, уделом жизни которого стали одиночество, ежедневные пьянки, полная потеря всех моральных качеств, присущих нормальному человеку. В дальнейшем Петр с Надеждой, родственниками и знакомыми не раз будет обсуждать, как можно все радости и прелести жизни променять на водку, на этот «неживой» образ существования. Да, ему будет жаль своего старшего брата, но он ничего не сможет сделать, чтобы заставить его свернуть с этого пути, который непременно приведет к погибели.

В конце мая Петра, как бригадира, вызвали в правление шахты. Совещание проходило в большом кабинете директора предприятия, где собрались бригадиры, мастера, начальники смен, инженеры – весь руководящий состав. Директор шахты Александр Михайлович Скрижанов, 52-летний мужчина с налысо выбритой головой, входил в комиссию горкома партии по приему в ряды КПСС. Властность и строгость характеризовали его суровую натуру.

На повестке дня стояли различные вопросы, но прежде

всего обсуждались производственные проблемы: нарушение трудовой дисциплины, невыполнение плана, снятие с должностей ответственных руководителей – все то, что мешало и подрывало авторитет целого коллектива, большого предприятия.

В конце совещания Александр Михайлович попросил тишины и начал говорить:

– Уважаемые товарищи, позвольте мне перейти к обсуждению более приятных вопросов. Я недавно был на заседании правления угольной промышленности нашего города, где получил конкретную, но вполне выполнимую и приятную задачу. Нашей шахте выделено десять автомобилей «ВАЗ»-2103. Каждый стоит пять тысяч пятьсот рублей, но одну тысячу платит город, а еще одну тысячу – наше предприятие, в итоге стоимость понижается до трех с половиной тысяч рублей. С руководством шахты мы, посовещавшись, составили список пятерых претендентов, фамилии которых я ниже оглашу. Ваша задача – провести планерки на своих участках, в бригадах и предоставить нам по одной фамилии от каждого коллектива, чтобы мы смогли выбрать лучших и распределить остальные пять автомобилей.

Директор улыбнулся, взял со стола лист бумаги и продолжил:

– Итак, позвольте огласить пятерых счастливчиков.

Для Петра было полной неожиданностью, когда второй по списку была названа его фамилия. Он опешил и под апло-

дисменты начал принимать поздравления присутствующих. После окончания совещания Петр побежал домой. Ему не терпелось поделиться радостной новостью со своей Наденькой.

На следующий день Надежда накормила мужа завтраком, и он отправился в центральный универмаг города. Прибыв на место, Петр обратился в отдел реализации. После того как он внес в кассу три с половиной тысячи рублей, еще целый час ждал, пока оформляли документы. И вот дверь отдела реализации открылась. Из нее вышла молодая девушка и обратилась к Петру:

– Молодой человек, заходите, пожалуйста, все готово.

Петр получил большую папку с документами, на которой было написано: «Железнодорожный вокзал. Склад № 2. Зав/скл. Титов Андрей Викторович». Поблагодарив девушку, Петр направился по указанному адресу.

Прибыв на железнодорожный вокзал, Петр нашел склад под номером 2. Большое помещение напоминало ледовый Дворец спорта, но вместо хоккеистов и трибун с болельщиками повсюду стояли в несколько рядов большие коробки и контейнеры. Обратившись к молодому грузчику, Петр узнал, как найти заведующего складом Титова Андрея Викторовича. Завхоз из-за своей полноты напоминал колобка в кепке. Казалось, у него нет шеи, поэтому верхняя пуговица рубашки была расстегнута, а небрежно завязанный галстук болтался как попало. Андрей Викторович взял у Петра документы,

внимательно их изучил, затем поднялся с места и радужно улыбнулся:

– Ну что, Петр Николаевич, бумаги в порядке. Вы просто счастливчик. Искренне поздравляю вас! А сейчас пойдемте со мной, будете выбирать свой автомобиль.

На площадке в два ряда стояло примерно три десятка новеньких «Жигулей».

Завхоз подошел к автомобилям:

– Ну что, джигит, как говорят на Кавказе, выбирай себе коня. Смотри, какой цвет тебе больше по душе, ту и забирай.

Петр почувствовал, как волнение, исходящее откуда-то изнутри, охватило все его тело. Но неожиданно нахлынувшие радостные эмоции моментально преодолели чувство неопределенности, и он уверенным шагом направился к своему автомобилю. Приобретенный до армии опыт работы в городской автоколонне помог быстро разобраться с управлением этого чуда техники.

В то далекое время стать обладателем новеньких «Жигулей» было большим везением. Появление этого нового народного автомобиля произвело бум в государстве. Люди годами копили деньги, ждали очереди, и, когда заветная мечта сбывалась, радости не было предела. Вот поистине реальное опровержение старой коммунистической партийной идеологии, что в Советском Союзе роскоши не было.

После оформления документов в ГАИ и получения номерных знаков Петр поехал домой. По дороге он видел, как

пристальными взглядами его провожают пешеходы и другие участники дорожного движения. Когда приходилось останавливаться на светофорах среди неуклюжих «Москвичей» и громоздких «Побед», по глазам водителей и пассажиров можно было сразу определить, кто просто любопытствует, а кто с завистью поглядывает то на автомобиль, то на его молодого хозяина.

На одном из перекрестков рядом с Петром остановилась черная 21-я «Волга». Сидевший в ней пассажир, улыбнувшись, показал Петру большой палец руки. По внешнему виду этого человека было понятно, что он большая шишка. Тогда на «Волгах» ездили только начальники, для простого человека эта роскошь была недоступна. Вот и еще один факт, опровергающий принцип равенства всех советских граждан, от рабочего до Генсекретаря.

Петр подъехал к своему дому, остановил машину на площадке, а сам поднялся в квартиру. Когда Надежда открыла дверь, тут же бросилась в объятия мужа.

– Петя, я как сердцем почувствовала и выглянула в окно! Неужели это теперь наша красавица?

Надежда собрала Сашеньку, быстро оделась сама, и они всей семьей направились смотреть на новое приобретение. На улице возле новеньких «Жигулей» уже собралось порядка десяти мужиков. Принимая поздравления, Петр, как и по дороге домой, видел, что кто-то делает это искренне, а кто-то с большой завистью. Надежда с Сашенькой уселись на зад-

нее сиденье, Петр, соответственно, за руль, и они поехали по гостям.

Иван Кириллович, широко улыбаясь, пожимал руку Петру и искренне поздравлял ребят с покупкой нового автомобиля:

– Я считаю, по такому поводу можно и водки выпить. Как говорится, обмыть, чтобы ездила хорошо и колеса не заржавели. Я сейчас возьму пару пузырей, и мы, Петр, все вместе поедем к твоим родителям. Прокатишь нас с матерью до соседской калитки?

Все дружно рассмеялись над шуткой Ивана Кирилловича.

Застолье у родителей Петра затянулось до самого вечера. Виновники торжества согласились с предложением Анастасии Николаевны остаться переночевать у них. Петр загнал машину во двор и позволил себе выпить немного спиртного. Ему еще пришлось проставляться на работе, после чего эпопея празднования и обмывания покупки «Жигулей» завершилась.

Глава 5. Отъезд родителей

Шел август 1973 года. У Петра заканчивался отпуск, но он не терял времени даром: добился выделения участка для строительства гаража. Земля, выделенная под застройку гаражами, находилась в двухстах метрах от дома, где жил Петр с семьей. В свои двадцать пять лет он уже имел большой опыт в разных специальностях: работа до армии в автоколонне, служба и трудовая деятельность на шахте. Плюс ко всему Петр никогда не боялся физического труда и поэтому за любую работу брался с энтузиазмом и, что немаловажно, всегда доводил дело до конца. А чем больше человек трудится, тем больше набирается опыта. Про таких говорят: «Мужик с золотыми руками».

За два месяца своего большого шахтерского отпуска Петр успел залить под гараж фундамент, выложить из кирпича стены, сделать крышу, провести электропроводку, поштукатурить, вместе с соседом-сварщиком сварить ворота и установить их. Оставалось сделать полы – и можно ставить машину. «Жигули» пока находились в поселке, у Полины Карповны, в деревянном гараже, который Петр также сделал своими руками.

Жизнь шла своим чередом. Петр вышел на работу, а Надежда продолжала находиться в декретном отпуске, занимаясь сынишкой и созданием уюта в доме.

Однажды после смены к Петру подошел тесть:

– Петр, Николай Никифорович просил передать, чтобы ты к нему приехал.

– Что-то случилось, Иван Кириллович?

– Он какую-то новость хочет тебе сообщить.

Добравшись домой на вахте, Петр сбегал в гараж за машиной и поехал к родителям. Надежда отказалась: у нее еще были дела по дому, да и вообще уже семь часов вечера, скоро Сашеньку нужно спать укладывать.

Петр понял, что отец ждал его приезда.

– Батя, что за новость у вас ко мне? Не случилось ли чего плохого?

– Не переживай, сынок, ничего страшного. Давай для начала поздороваемся и пойдем в хату. Мать самовар поставила. Вот за чаем с пирожками и поговорим.

Поздоровавшись с мамой и поцеловав ее в щеку, Петр уселся за кухонный стол.

– Сынок, может, ты голоден? Давай я тебя покормлю. У меня щи свежие. Отец-то поел недавно.

Петр улыбнулся, почесал затылок и ответил маме:

– Да как же я, мамуль, от ваших щей могу отказаться? Уж больно вкусные они у вас получаются. Да и, скажу честно, после работы сразу к вам поехал, не стал дома ужинать. Перед Наденькой извинился.

С двумя тарелками щей Петр справился быстро, поблагодарил маму, а Николай Никифорович, улыбнувшись, заме-

тил:

– Не зря говорят: кто как работает, тот так и ест.

Отец выпил немного горячего чая, попросил мать присесть за стол. При этом лицо его сделалось серьезным. После небольшой паузы начал говорить:

– Петр, сынок, мы с твоей матерью уже давно обсуждали один вопрос. Ты сам знаешь, что она у нас часто болеет. Врачи говорят, что ей здесь не климат. Короче говоря, не буду крутить вокруг да около. Мы решили уехать на юг, в Краснодарский край. Сколько нам осталось на роду! Проживем остаток своих дней на Кубани. Может быть, и мне тамошний климат на пользу пойдет. Вы, наши дети, уже взрослые. Да и помочь вам уже ничем особо не сможем. Быть для вас обузой тоже не хотим. Как-нибудь там сами справимся. Мечтаю домик купить в таком месте, чтобы огород в речку упирался. На рыбалку буду ходить да матери помогать фрукты выращивать, чтобы внукам посылки отсылать. Глядишь, в отпуск в гости приедете. Понравится – можно будет к нам жить переехать.

Николай Никифорович задумался. На кухне воцарилась тишина, которую изредка нарушали капельки воды, просачивающиеся через кран самовара.

– Что я могу сказать вам, мои дорогие, любимые родители? Новость грустная. Ведь я привык, что вы все время рядом. Когда женился, всегда с радостью приезжал к вам, в дом, где родился, где прошло мое детство, из которого я де-

лал первые шаги во взрослую жизнь. Отец, мама, если вы считаете, что так будет лучше для вас, а самое главное – для вашего здоровья, значит, нужно переезжать на юг. А мы к вам будем каждый год в отпуск приезжать, фруктами объедаться и на солнышке греться.

Мать заплакала и прильнула к плечу Петра:

– Да я-то, сынок, и не настаиваю на старости лет с места срываться. Отец вот твердо решил. Говорит, и дети потом переедут на Кубань, нам еще спасибо скажут.

Николай Никифорович несильно ударил кулаком по столу и обратился к матери:

– А ну-ка цыц, старая! И чего ты опять запричитала? Я тебе сотый раз повторяю: потом в моей правоте сама убедишься, дети к нам в гости будут приезжать, а потом и сами жить в теплые края переберутся. Надо было давно на Кубань или на Украину переезжать. Чего тут хорошего, в этой Сибири? Мерзлота да труд рабский, лето – один месяц в году, вот и все тепло. Места здесь такие. При царе и Сталине сюда одних ссыльных-то и сгоняли, а самолично никто не приезжал. Сейчас-то еще ничего, шахт понастроили, зарплаты неплохие, но все одно народ спивается. А что еще делать, когда кругом мороз, снег и шахты круглый год?

После разговора с родителями Петр вернулся домой, и, уже лежа в постели, они с Надеждой долго обсуждали решение стариков уехать жить на юг.

Петр испытывал внутреннее душевное волнение в связи

с предстоящей разлукой. В свои двадцать пять лет он был вполне самостоятельным мужчиной, твердо стоял на ногах, имел семью, которую обеспечил жильем и всем необходимым. Петр ни от кого не зависел, имел большой авторитет как на работе, так и дома. Ведь самое главное – уважение людей, которого он добился своим трудом и правильным образом жизни, чего не купить ни за какие деньги и не соизмерить с любыми земными благами.

Все произошло как-то очень быстро: родители продали дом, и уже через месяц наступил момент расставания. На железнодорожном вокзале Петр едва сдерживал эмоции. Мать плакала, ее успокаивала Вера. По Николаю Никифоровичу также было видно, что он переживает. Отец пожал руку своим сыновьям Николаю, Григорию и Петру, которые с грустью смотрели в его глаза.

– Что вам сказать, дети мои, перед отъездом? Вы уж нас с матерью простите, что оставляем вас. Но мы всю жизнь прожили ради вас, как могли воспитывали, одним словом, вырастили. Так позвольте нам провести остаток дней своих там, куда мы мечтали уехать всю жизнь.

Николай Никифорович боролся с нахлынувшим волнением, но в силу характера старался не показывать своих переживаний. – Одним словом, вы все стали взрослыми людьми. За Веру мы с матерью рады: семья, двое детишек, с мужем бы еще отношения наладить. Николай с Феней – молодцы, живут помаленьку, работают, сына растят. За Петра с Надеж-

дой мы вообще спокойны. Уверен, они, как мы с матерью, до конца жизни вместе проживут и детей своих на ноги поставят.

– Ну а ты, Григорий? – отец грозно посмотрел на старшего сына, сделал небольшую паузу и продолжил: – Скажу тебе прямо: стоишь одной ногой над пропастью. Не одумаешься – сопьешься и пропадешь. Не ты первый, не ты последний, не такие люди жизнь свою теряли, из-за того что все на стакан променяли. Одумайся, сын, возьми себя в руки, стань настоящим мужчиной, детей своих пожалей. – Николай Никифорович крепко обнял Григория и с любовью похлопал его по спине.

В это время объявили об отправлении поезда через пятнадцать минут, и все потихоньку направились на перрон.

Глава 6. Жизнь идет своим чередом

Кузбасс являлся одним из основных поставщиков угля в стране. Большое количество шахт и сверхплановая добыча черного золота способствовали быстрому развитию региона. Шахтерский труд приравнивался к подвигу, а передовые коллективы и отдельные личности заслуживали почет у населения и уважение у начальства, за что власть благодарила их премиями, подарками и наградами.

Великим достижением той эпохи можно считать взаимоотношения власти любого уровня с простым трудящимся человеком. В то время у всех молодых людей была возможность добиться своей цели, если таковая имелась. Грамотный молодой юноша из простой рабочей семьи мог поступить в горный институт и, закончив его, дойти до директора шахты. А кто шел в рабочий класс, также своим трудом мог заслужить почет и уважение, что самым натуральным образом отражалось на материальном благосостоянии человека.

Государство поддерживало и стимулировало людей учиться, получать образование, двигаться по карьерной лестнице в любой отрасли. При этом основная масса населения – рабочий класс являлся символом, стержнем общества, существующего государственного строя. В то время казалось, что социалистическая идеология должна быть примером для всей мировой общественности как единственно

верный путь развития человеческой цивилизации.

Пройдет еще много времени до того момента, когда вылезут наружу все изъяны тогдашней жизни, в которой народ, в сущности, являлся рабом власти под предводительством Коммунистической партии.

Да, безусловно, и тогда были определенные достижения и в науке, и в литературе, и в спорте. Тем не менее основой движения вперед являлся внутригосударственный повсеместный обман. В особенности это проявлялось в конце пятилеток, перед очередным съездом партии. Во всех регионах и отраслях начальники разного уровня занимались приписками показателей по выполнению и перевыполнению планов. И весь этот фальшивый поток отчетности со всех мест стекался в Москву, где на пленумах или съездах партии едва живые старички, стоявшие у руля государства, рапортовали о сумасшедших достижениях, которые в действительности являлись невыполнимыми как теоретически, так и практически. Во все, что говорила партия, народ верил с упованием, ни у кого даже мысли не возникало сомневаться.

Для общемассового воздействия власть создавала мифических героев. Средства массовой информации прославляли ткачиху, которая якобы одна всю смену обслуживала несколько десятков ткацких станков. Чемпиону мира по легкой атлетике – и то не хватило бы выносливости столько бегать. А стахановский подвиг – не фантастика ли? Как может один человек добыть столько угля, сколько по норме поло-

жено ста шахтерам? Или доярка, которая за смену может передоить столько коров, что тридцать нормальных человек не смогут повторить этот рекорд.

Тем не менее народ в общей своей массе жил неплохо, и способствовало этому множество положительных факторов, одним из которых являлась стабильность. Что, как не стабильность, может служить гарантом благосостояния общества, его уверенности в завтрашнем дне?

Благодаря большой любви к чтению Петр был весьма эрудированным молодым человеком. Он нередко задумывался над глобальными вопросами, о смысле человеческой жизни, о политике. И чем больше он размышлял, тем больше возникало вопросов. Твердое решение не вступать в ряды ВЛКСМ возникло после нескольких сделанных лично выводов о существующем политическом строе. Это полностью разрушало государственную идеологическую иллюзию счастливой жизни и равенства народа, якобы хозяина своей страны.

Петр прекрасно понимал, что каждый человек строит свою жизнь собственными руками. Он трезво оценивал свое место в обществе. Осознавая себя настоящим мужчиной, Петр приоритетом по отношению ко всему остальному считал семью.

Уважение людей, взаимопонимание с близкими, умение дорожить честью и достоинством, ответственное отношение к делу, что для настоящего мужчины стоит на первом месте, безусловно, после взаимной любви к своей семье и родите-

лям, – может, это и есть основные составляющие настоящего мужского счастья и смысл жизни в целом?

Февраль, зима, Сибирь – как три гнедых скакуна в одной упряжке.

В Сибири зима долгая и суровая, но люди приспособились к непростым условиям жизни и научились извлекать немало прелестей из местных природных условий.

В тот относительно теплый субботний день (стояли февральские окна) Петр вместе с соседями по пятиэтажкам сооружали во дворе большую горку из снега, благо осадков в 1974 году выпало предостаточно. Работа шла на ура. Все с энтузиазмом трудились. Одни скребками и лопатами собирали снег, другие на носилках и плащ-палатках переносили его, третьи занимались строительством снежного сооружения: горки-гиганта. Во время перекуров мужики успевали принять по рюмочке для согрева. Одним словом, настроение у всех было прекрасное. К трем часам дня большой снежный крокодил был практически готов, оставалось произвести определенные работы для придания соответствующего вида и удобства эксплуатации снежного сооружения. Это одиннадцать ступенек для подъема на четырехметровую высоту, стартовая площадка и 50-метровый спуск горки в виде змейки с двумя виражами.

Когда работы были закончены, оставалось до темноты залить горку водой. Ночью мороз усиливается, и достаточно суток, чтобы снежное сооружение превратилось в ледяную

глыбу.

Вечером после ужина Петр с Надеждой решили сходить на каток, расположенный возле Дворца культуры, который одновременно служил кинотеатром и местом для танцев.

Петр взял на руки трехлетнего сынишку, потяжелевшего в два раза из-за надетых валенок, двух теплых штанишек, двух кофточек, шапки, тулупчика. Завязанный шарфик прятал личико, но счастливые детские глазки давали понять, что малыш согласен со всеми неудобствами и радуется предстоящей прогулке.

По сибирским меркам погода стояла изумительная. Снег хрустел и переливался огоньками от света далеких и неизвестных звезд, которыми было усыпано небо. Казалось, день еще не закончился, просто солнце уступило место другому источнику земного света. Все вокруг завораживало: и безмолвно стоящие деревья, лишь изредка поскрипывающие от мороза, и одетые в снежные шапки крыши домов, дымящие печными трубами.

Как всегда по выходным дням, на катке собралось много народу. Громко играла музыка. Вокруг ледяной площадки были сооружены три большие деревянные веранды. В одной из них расположился буфет на свежем воздухе, где продавались горячий чай, шашлыки, пирожки – все, кроме водки. Но люди приносили с собой горячительные напитки и в две другие веранды. Шло настоящее веселье, напоминающее свадьбу, где не было «твое-мое», а предлагалось выпить для

согрева любому, кто оказывался рядом. – Петр! Надя! – навстречу ребятам шел Костя Вербин. – А мы с Татьяной решили прогуляться. Давайте к нам на веранду. Все свои.

Петр вежливо отказался: там все выпившие, а они с ребенком.

– Костя, если вы с молодой супругой не против, можем к нам в гости пойти. В тепле посидим, чаю попьем. Да у нас и выпить найдется, – Петр обнял свою Наденьку и поцеловал в щечку.

Костя попросил минуту времени и побежал в сторону веранды. Надежда поправила шарфик на лице сынишки и обратилась к мужу:

– Петя, можешь даже не спрашивать. Я рада, что у нас будут гости. Тем более ты сам рассказывал, что они совсем молодая супружеская пара.

Когда шли домой, настроение у всех было приподнятое. Всю дорогу шутили, а почти двухметровый Костя с согласия родителей и самого Сашеньки посадил его себе на шею.

После прогулки на свежем воздухе Сашенька очень быстро уснул. И, пока Петр с Костей, сидя в зале на диване, беседовали о работе, девчата накрыли стол на кухне. Надежда старалась сама обслуживать мужчин, так как по внешнему виду Татьяны было видно, что она беременна. Дружеская беседа проходила на веселой ноте. Ребята говорили о жизни, детях, родителях, своих взаимоотношениях, но все разговоры непременно сводились к шуткам. А как еще должны ве-

сти себя за столом четверо молодых семейных людей, которые вели правильный образ жизни и чувствовали себя самыми счастливыми на всем белом свете!

Время незаметно подошло к полуночи. Петр с Надеждой предложили гостям остаться переночевать, на что Костя с юмором ответил:

– Нечего молодую жену приучать спать вне дома! Спасибо вам большое за приглашение, но нам с Татьяной максимум полчаса до дома добираться. Завтра, точнее уже сегодня, воскресенье, так что отоспимся. Да и ребенку будет полезно перед сном прогуляться.

Ребята распрощались, после чего Петр помог Надежде убрать со стола. Управившись, они еще целый час сидели на кухне, пили чай, обсуждали прошедшие посиделки, говорили о чем-то своем…

Понедельник – трудный день: начинается новая трудовая неделя после двух выходных дней. Петр пребывал в хорошем настроении. В раздевалке перед сменой он подбадривал шахтеров, старался шутить, настраивая ребят на рабочий лад. Как и должно быть в передовой бригаде, за час все были на месте. В помещение вошел Анатолий Викторович Копытик, его недавно назначили начальником участка. Поздоровавшись с мужиками, он подошел к Петру:

– Ну, здорово, бригадир! Смотрю, дисциплина у вас на высоте. А я к тебе с новостью пришел, так сказать, с поручением от руководства.

Петр ответил на рукопожатие и поинтересовался:

– Новость-то, надеюсь, хорошая?

Анатолию Викторовичу Копытику было примерно тридцать пять лет. Это был среднего роста мужчина, с холеным лицом, которое, когда улыбалось, выражало всю высокомерность его самодовольной натуры.

Все шахтеры знали, что его папа – какой-то большой партийный начальник, вот и пристроил сыночка временно на шахту, для записи в трудовую книжку, чтобы потом с задратым носом двигаться по партийной лестнице. За полгода работы по его вине на шахте произошла авария, благо без человеческих жертв, но все сходило с рук, как и прогулы на работе, и пьяные гульки в кабинете с друзьями из горкома партии за счет средств спецфонда предприятия. Все рабочие знали, как пьяный Копытик не смог выехать на проходной через ворота и протаранил их, разбив при этом служебную «Волгу». Но на планерках и совещаниях вел речь о трудовой дисциплине, требовал применения взысканий за любые провинности. Весь его вид и поведение выражали ненависть к простому рабочему человеку, невзирая на возраст и трудовые заслуги. Типичный сынок большого партийного начальника, имеющий при этом стопроцентные возможности засесть в горкоме партии на какую-нибудь руководящую должность и управлять обществом.

Именно такие представители элиты того времени и доведут страну до полного развала, социального взрыва, распада

государства ради своего благополучия и наград, которые они получали за очковтирательство, лживые доклады в Москву о выполнении и перевыполнении планов в регионах.

Копытик выдержал небольшую паузу, высокомерно взглянул на Петра и ответил на его вопрос:

– Послушай, Петр, как тебя там по батюшке? Одним словом, бригадир? У меня к тебе есть очень серьезное поручение. В вашу бригаду переводится шахтер Тюлькин Андрей Сергеевич. Коллектив у вас передовой, и я думаю, вы сможете правильно отнестись к человеку. Тем более это лично моя инициатива, которую поддержало руководство предприятия. Думай, бригадир, думай, жизнь впереди еще длинная.

Копытик похлопал Петра по плечу и улыбнулся в свойственной ему ехидной манере.

В это время в раздевалку зашел человек небольшого роста, примерно сорока лет. По его маленькой голове, узким глазенкам и тоненьким усикам можно было предположить, что кто-то из шахтеров вызвал парикмахера или официанта, который принес приглашение на банкет в какой-нибудь ресторан. Но все узнали в госте разгильдяя и пьяницу Тюлькина Дрюшу, которого гонят из всех бригад, но с шахты не увольняют, так как он состоит в родственных отношениях с Копытиком. Тюлькин Дрюша был самым настоящим антиморальным представителем того высокоидейного социалистического общества. До тридцати лет он дважды привлекался за тунеядство, но судьба была к нему благосклонна и

позволила избежать тюремных нар. Перемены в жизни Дрюши произошли в тридцать лет, когда его младшая сестра вышла замуж за выпускника педагогического института Копытика Анатолия Викторовича, который стал для Тюлькина и покровителем, и частым собутыльником.

Копытик благодаря своему папе прыгал по возрастающим должностям и, в свою очередь, помогал Тюлькину замазывать его грехи, при этом устраивая на новое место работы.

Копытик пришел на шахту восемь месяцев назад, притянул с собой и Тюлькина, но ни в одной из бригад Дрюша долго не задерживался, так как никто не хотел за него работать, а зарплату получать одинаковую.

В разные времена были, есть и будут Тюлькины, для которых не приемлемы общечеловеческие принципы, а основным кредом жизни является эгоизм.

Петр посмотрел на неожиданно появившегося гостя и обратился к бригаде:

– Мужики! У нас тут назрел вопрос, который заключается в следующем: руководство шахты, в том числе Копытик Анатолий Викторович, рекомендует нам, как я понял, на перевоспитание Тюлькина Андрея Сергеевича. Вот он перед вами. Следуя традициям нашей бригады, прошу вас высказаться. Какие будут предложения?

Бригада возмутилась. Шахтеры, перебивая друг друга, выражали свое негодование. Петр попросил всех успокоиться, но никто не отреагировал. Тогда он повторил это в более

громкой, командной форме:

– Мужики, а ну-ка, хватит галдеть! Раскудахтались, как бабы на базаре.

Постепенно все успокоились, и Петр продолжил:

– У нас не так много времени на обсуждение, поэтому давайте будем говорить по очереди. Начнем с нашего комсорга Карпухина Андрея. Только попрошу покороче высказывать свою точку зрения.

Карпухин Андрей вот уже полгода был в бригаде комсоргом. В свои тридцать пять лет он был кандидатом в члены Коммунистической партии, женат, имел двух дочерей. Несмотря на свою чрезмерную партийную идеологию, был хорошим человеком как в семье, так и в трудовом коллективе. Умел ладить с товарищами, никогда не косил от работы.

Комсорг посмотрел на Копытика, затем перевел взгляд на Тюлькина и в соответствующей манере комсомольского работника обратился к нему:

– Товарищ Тюлькин Андрей Сергеевич? Я думаю, вы отдаете отчет о своей отрицательной репутации? Я уверен, что бригада на сто процентов не захочет вас брать в свои ряды. Поэтому прежде всего ответьте нам, какие у вас намерения. Перекантоваться месяц-другой, нанести вред передовому, как вам, надеюсь, известно, коллективу – и дальше, как говорится, знай наших, до свидания?

Тюлькин, как мальчишка-сорванец, замялся, переступил с ноги на ногу и, не поднимая глаз, ответил:

– Я… Ну что… Я знаю, что ваша бригада передовая. Вредить не хочу. Буду стараться оправдать доверие. А там вам решать, выгнать меня или оставить.

– Спасибо за выступление, – сказал Карпухин и продолжил, обращаясь ко всем присутствующим: – Товарищи, это, конечно, сугубо мое мнение, но я считаю, что каждый человек может оступиться, и не раз, но он также должен иметь право на последний шанс. Давайте не будем тиранами, мы же живем в цивилизованной социалистической стране, и предоставим Тюлькину Андрею Сергеевичу возможность доказать своим трудом, что он не изгой общества, а стремится исправиться, встать на верный путь и доказать прежде всего самому себе, что он настоящий человек! При этом предлагаю дать товарищу Тюлькину два месяца испытательного срока. Вот и посмотрим на его трудовую дисциплину и вообще на то, сможет ли он трудиться в нашем коллективе на должном уровне.

Слова попросил Вербин Костя:

– Мужики, если руководство решило без нас, так давайте возьмем Тюлькина с испытательным сроком. Я не против. Я о другом хочу сказать. Это что ж получается: мы теперь должны всех подряд перевоспитывать? А как же наше мнение? А кто будет план давать при таком отношении? Будто мы не бригада, а взвод солдат в армии?

Шахтеры поддержали Костю, и в раздевалке вновь поднялся галдеж. Петр на правах бригадира попросил тишины:

– Мужики, тихо, тихо. Вербин Костя правильно сказал: мы не воспитательная бригада, и у нас есть свое мнение по поводу формирования кадров. Да, на сегодняшний день мы являемся передовым трудовым коллективом на шахте. Так давайте лишний раз покажем всем нашу сплоченность. В очередной раз докажем, что мы лучшие, и в случае непрохождения Тюлькиным испытательного срока поставим перед руководством вопрос ребром: или мы, или Тюлькин. Комсорг прав: каждый имеет право на исправление, и мы предоставим товарищу Тюлькину этот последний шанс. Но, если подведет, мы его в своих рядах терпеть не будем. Я сам, лично пойду к директору шахты.

Мужики с пониманием отнеслись к словам бригадира и продолжили готовиться к предстоящей рабочей смене.

Копытик, как всегда, ехидно улыбаясь, попросил Петра вместе с комсоргом на минуточку выйти из раздевалки.

– Послушай, бригадир! Ты чего это здесь целый театр разыграл? Какое еще мнение коллектива? А ты, комсорг, что за сроки испытательные устанавливаешь? Или для вас просьба начальника участка – пустой звон? Смотри какие правильные выискались! Тоже мне, передовая бригада нашлась! А товарища взять на поруки для них проблема. Я вашу бригаду под свой личный контроль возьму и прослежу, какие вам участки для добычи угля будут давать и как вы сможете план выполнять.

Петр, не дослушав, пронзительно посмотрел в глаза Ко-

пытику и перебил его:

– Послушайте, вы. Точнее, ты. Кого ты из себя возомнил? Суешь к нам в бригаду своего родственничка – алкоголика и тунеядца. Нет чтобы спасибо сказать, за то что мы ему испытательный срок дали, так еще и пугать пытаешься!

В этот момент лицо Копытика напоминало готовый разорваться воздушный шарик. Его красные щеки судорожно подрагивали, а глаза расширились от нахлынувшей ненависти.

– Да я, я вас… Я тебя… в пыль превращу!

Петр, стараясь подражать Копытику, так же ехидно улыбнулся и с издевкой ответил:

– Смотри не лопни, колобок! Напыжился-то как, папенькин сыночек. А насчет превращения в пыль запомни, морда алкашная: тебя на десять секунд драки не хватит, и ручонками своими не маши. Ну а уж если сильно захочешь выяснить, кто из нас мужик, так давай подеремся один на один. Я всегда готов.

Ошарашенный Копытик схватил Петра правой рукой за грудки спецодежды, а левой с размаху ударил по щеке. Петр не видел, что несколько шахтеров из других бригад наблюдают за происходящим. Он освободился от захвата, с силой оттолкнул обидчика и громко закричал:

– А ну-ка, убери руки от рабочего класса, морда зажравшаяся!

На шум в коридор выбежала вся бригада. Озверевший Копытик, чувствуя безнаказанность, бросился на Петра с кула-

ками. Петр слышал, как кто-то из ребят крикнул:

– Бригадир! Не трогай эту гниль!

Петр легко увернулся от никчемных ударов толстяка начальника. Карпухин Андрей попытался схватить Копытика, чтобы угомонить его, но тут же получил удар по лицу. Тогда уже несколько шахтеров из других бригад начали удерживать разошедшегося начальника участка. Копытик, казалось, и не собирался выпускать пар, а, как плененный зверь, заорал:

– Уберите от меня руки, работяги вонючие, черви подземные!

Собравшаяся в коридоре толпа шахтеров требовала освободить Копытика. Послышались крики:

– Петр! Набей морду этому ублюдку!

– Бригадир, мы за тебя всей шахтой встанем!

– Этого гада давно проучить следовало и гнать с шахты!

Освобожденный Копытик в очередной раз с кулаками ринулся в атаку. Петр специально пропустил первый удар по лицу, а затем боксерской серией поставил точку в поединке, результатом которого стали изрядно пострадавшие отдельные части тела начальника участка: два выбитых зуба, поломанный нос и хорошо отбитая печень. Копытик, сидя на полу, взвыл от боли. Мужики продолжали выкрикивать:

– Поднимайся, гнида!

– Что, как баба, расселся? Вставай и дерись! Сам же хотел.

– Лучше не вставай, а то тебя папочка больше живым не увидит!

– Мужики, айда все вместе к руководству шахты. Пусть этого гада увольняют. Или мы, или он!

Возбужденная толпа шахтеров направилась в управление. Молва о случившемся моментально стала достоянием всего предприятия. И вот на площадке перед зданием администрации собрались все бригады, несмотря на то что через пять минут начало рабочей смены.

Директор шахты попросил пройти в актовый зал всех бригадиров и комсоргов. Из шумевшей толпы шахтеров слышались отдельные выкрики:

– Петр ни в чем не виноват!

– Копытика вон из шахты, гнать, как собаку!

И тут все услышали вой милицейской сирены. Разрезая толпу шахтеров, к административному зданию продвигалась милицейская машина, сопровождая две черные «Волги», а перед площадью остановился разукрашенный спецавтобус, из которого выбежало человек тридцать солдат ВВ, вооруженных щитами с дубинками. Они построились в две шеренги перед молодым офицером. Собравшиеся в актовом зале бурно обсуждали произошедший инцидент. Директор командным голосом через микрофон обратился к присутствующим:

– Прошу всех успокоиться и соблюдать дисциплину. Вам будет предоставлена возможность высказаться.

К трибуне по проходу между рядами направлялись восемь человек, двое из которых были в милицейской форме, в пол-

ковничьих и майорских погонах. Гости уселись за трибуной и минут десять о чем-то беседовали с директором шахты. К микрофону подошел полковник:

– Здравствуйте, товарищи! Позвольте представиться: заместитель начальника городского управления МВД полковник милиции Тищенко Леонид Викторович. Наше присутствие связано с ЧП на вашем предприятии. Попрошу всех, кто присутствовал при инциденте, который перерос в рукоприкладство, по очереди выходить на трибуну и стараться коротко, конкретно рассказать об увиденной драке. Думаю, каждому выступающему будет достаточно двух минут. Всех остальных попрошу направляться на свои рабочие места. Уверяю, что будет проведено строгое разбирательство и вынесено справедливое решение.

В актовом зале осталось человек тридцать шахтеров. Оставшиеся по очереди выходили к микрофону и поясняли, кто что видел. Майор, прибывший с полковником, все время что-то усердно записывал, а при необходимости задавал вопросы выступающим.

Через час в зал зашли четыре милиционера с погонами младшего офицерского состава, и после короткой беседы со своим начальником полковник подошел к микрофону:

– Товарищи, вы сейчас по очереди будете подходить к следователям и давать свидетельские показания. Общая картина нам ясна, но тут уголовным делом попахивает. Так что, раз заварили кашу, давайте ее вместе будем до конца расхле-

бывать. Пока можете выйти на улицу и покурить.

Трое следователей разместились в разных концах актового зала, а четвертый уселся рядом с полковником.

Петра попросили подняться на сцену и предложили сесть на приготовленный стул перед трибуной. Полковник Тищенко пристально взглянул в глаза Петру, а затем обратился к подчиненному:

– Товарищ капитан, приступайте к допросу.

Петр старался четко и точно отвечать на все вопросы следователя. А когда его перебивал один из присутствующих за трибуной гражданских, молчал. Но, услышав в свой адрес очередную издевку, не выдержал и ответил наглецу:

– Послушайте, во-первых, я вас не знаю. Воспитанные люди сначала представляются. Во-вторых, не вам судить, какой я бригадир и вообще шахтер. А в-третьих, товарищ полковник, почему этот гражданин мешает работе сотрудника милиции? И вообще должен ли я отвечать на его издевательские вопросы?

Тищенко пошевелил плечами и, выдержав небольшую паузу, сказал:

– Валентин Семенович, вы же сами попросили меня, чтобы милиция досконально во всем разобрались. И, я думаю, пока еще рано кого-то в чем-то обвинять. Поэтому я вынужден прекратить допрос и вызвать Петра Николаевича завтра в горуправление, при этом полковник посмотрел на директора шахты, на что тот одобрительно кивнул головой.

Петр вышел на улицу из административного здания, где его тут же окружили шахтеры из других смен. Мужики еще долго обсуждали случившееся. Самое главное – Петр впервые в жизни испытывал такую массовую солидарность. Он чувствовал колоссальную поддержку, что лишний раз говорило о существующей невидимой огромной силе большого, настоящего, мужского, шахтерского коллектива.

Домой Петр вернулся около восьми вечера. Надежда сразу почувствовала неладное. Еще на пороге она спросила:

– Петя, что-то случилось? Какой-то ты не такой, да и поздно уже.

– Дорогая моя, не переживай. Вот сейчас пойду умоюсь, с Санькой поздороваюсь, соскучился. Ты пока ужин накрывай, на кухне за столом все и расскажу. Надежда, да не переживай, все нормально, в тюрьму посадить не должны.

Петр увидел, как из Наденькиных глаз покатились слезы. Он крепко обнял жену, несколько раз поцеловал в щеку и аккуратно вытер огрубевшими от отбойного молотка руками лицо любимой.

– Наденька, вот я дурак! Как неудачно пошутил. Да не переживай, я тебе все подробно расскажу. Ну же, успокаивайся. Посмотри, вон Сашка топает, сейчас еще увидит тебя и тоже расплачется.

– Петя, я же сразу поняла: что-то случилось. Никогда тебя таким не видела.

И у Надежды из глаз опять покатились слезы. Она отстра-

нилась от мужа и, чтобы ее в таком виде не увидел ребенок, пошла в ванную.

Надежда внимательно выслушала подробный рассказ мужа. По ее лицу было видно, что она еще больше разволновалась.

– Я помню, ты мне как-то рассказывал про этого Копытика и что у него папа какой-то большой начальник. Таким всегда все с рук сходит, все сваливают на простых людей.

Надежда вздохнула и с жалостью посмотрела на Петра.

– Надя, я тебе вот что скажу, – эмоционально отреагировал Петр. – Так что же теперь получается? Мы живем в стране, где все равны, а сыночки «больших» родителей, значит, принадлежат к более высокой категории? Для них закон не закон и элементарные нормы человеческого поведения их тоже не касаются? Нет, мы с ребятами решили до конца идти, пока не восторжествует справедливость. Надо будет, и в Москву, в главк поедем. То, что раньше этого Копытика папа прикрывал, – один вопрос, а сейчас он на весь коллектив замахнулся, на рабочий класс. Вот пусть начальство и решает, кто прав, а кто виноват. Кто важнее: трудовой коллектив или обнаглевший папенькин сыночек, к тому же пьяница и разгильдяй.

Надежда подошла к мужу, погладила его по голове и поцеловала.

– Теперь я тебя попрошу, Петенька, успокойся. Я все прекрасно поняла. Уверена в твоей правоте на сто процентов.

Ты же у меня умный и сильный. Только пусть попробует кто-нибудь обидеть нашего папочку, вот мы им тогда дадим, – сказала Надежда, уже обращаясь к подошедшему Сашеньке.

Она посадила сынишку к себе на колени и увлекла малыша нехитрой игрой, давая Петру закончить затянувшийся ужин.

На следующий день Петр проснулся в полвосьмого утра благодаря выданной ему накануне повестке, по которой он вызывался в ГУВД города на тринадцать часов дня.

Надежда накормила мужа завтраком, пожелала ни пуха ни пера. Петр перед уходом, как обычно, зашел на минуточку в спальню к сынишке. И тут в квартире раздался звонок. Петр с Надеждой удивленно переглянулись.

– Кто это так рано? – спросил Петр и направился открывать дверь.

На пороге стоял пожилой мужчина. Норковая шапка, строгое зимнее пальто и импортные, чешские полусапожки подчеркивали солидность гостя.

– Позвольте представиться: Копытик Виктор Андреевич. Я так понимаю, вы и есть тот самый бригадир, у которого вчера произошел инцидент на шахте с моим сыном?

– Да, это я и есть, – спокойно ответил Петр.

– Так вот что, Петр, прежде всего позвольте мне обращаться к вам на ты?

Петр одобрительно кивнул.

– Я к тебе, бригадир, не с кулаками пришел и не ругаться,

а поговорить по-человечески, по-мужски. Мне еще вчера вечером доложили результаты предварительного разбирательства вашего инцидента. Так что картина на все сто ясная. Я почти всю ночь не спал, думал, переживал и вот решил утром прямо к тебе домой наведаться. Уж больно захотелось в домашней обстановке поговорить с молодым человеком, у которого уже имеются такой большой авторитет и уважение. Весь коллектив шахты за тебя горой встал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.